

ДЖЕНИН КАММИНС

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «АМЕРИКАНСКАЯ ГРЯЗЬ»

МОСТ В НЕБЕСА

ИСТОРИЯ УБИЙСТВА МОИХ СЕСТЕР
И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ ДЛЯ НАШЕЙ СЕМЬИ

Эта бескомпромиссная книга-воспоминание лишит вас покоя. — PEOPLE

Дженин Камминс

**Мост в небеса. История
убийства моих сестер и его
последствий для нашей семьи**

Издательство «Синдбад»

2004

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Камминс Д.

Мост в небеса. История убийства моих сестер и его последствий
для нашей семьи / Д. Камминс — Издательство «Синдбад», 2004

ISBN 978-5-00131-460-8

В этом документальном романе Джанин Камминс, автор всемирного бестселлера «Американская грязь», рассказывает о событиях апрельской ночи 1991 года в Сент-Луисе, когда две ее сестры и брат во время прогулки по мосту через Миссисипи подверглись жестокому нападению четверых подонков. В живых остался только брат, которого полиция тут же обвинила в убийстве любимых сестер. Джанин Камминс тоже была в то время в Сент-Луисе, но осталась дома с другими членами семьи. Она была свидетелем всего произошедшего после, что делает повествование особенно пронзительным и реалистичным. Это рассказ о преступлении и его последствиях – предательстве, преследовании, сокрытии правды, извращении истины... Но прежде всего это рассказ о невероятном мужестве, стойкости и взаимной поддержке членов одной большой прекрасной семьи.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-00131-460-8

© Камминс Д., 2004
© Издательство «Синдбад», 2004

Содержание

Благодарности	6
От автора	8
Пролог	9
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	27
Глава пятая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дженин Камминс

Мост в небеса

*Посвящается Робин, моей родной, остроумной и лучшей подруге.
Посвящается Джулии, моему солнышку, моей музе и
спасительнице.*

*Да наделит нас Господь силой и мудростью достаточной, чтобы
воздать вам должное и восстановить этими страницами хоть толику
справедливости.*

Мы любим и вспоминаем вас каждый день.

Jeanine Cummins
A RIP IN HEAVEN

Copyright © 2004 by Jeanine Cummins

All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form.

Published in the Russian language by arrangement with *Berkley, an imprint of Penguin
Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC* and *Anna Jarota Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2022

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык. Издательство «Синдбад», 2022

Благодарности

Без помощи некоторых людей эта книга, без преувеличения, могла и не выйти в свет. От всего сердца огромное им спасибо.

Всем моим друзьям, коллегам, всем членам большой нью-йоркской семьи и просто славным ребятам – за то, что не давали унывать и поддерживали во мне душевное равновесие.

Дэну Слэйтеру – за мудрость, удивительную в столь юном возрасте. Твои тепло и моральная поддержка помогли мне больше, чем ты думаешь. Каре и Клэр – за то, что увидели будущую книгу в путаном черновике.

И еще Лоре – за гениальность, превратившую этот черновик в нечто, чем я искренне могу гордиться. Ты помогла мне понять многое из того, чего я сама никогда не поняла бы и не приняла.

Фрэнку Карлсону, Фрэнку Фаббри и Нельсу Моссу – за то, что нашли время прочитать рукопись и дали мне несколько бесценных (и не только юридических) советов. Но главное – спасибо вам за все, что вы сделали для моего брата.

Никки – за лучшую в мире скорую психологическую помощь на дому. (И Ноэлю – за то, что в перерывах между нашими сеансами вытаскивал ее куда-нибудь, давая мне возможность работать над книгой.)

Эвелин – за то, что раз за разом вынимала меня из петли, несмотря на разделяющий нас океан.

Джо – за то, что выбил из меня безделье. Ты – моя самая надежная опора.

Чудаковатым фанатам Круглого Стола – Антону и Кэролин, за то, что научили меня быть одновременно скромной и гордой. Без вас двоих этой книге почти наверняка не суждено было бы увидеть свет, как и без меня самой. (Ладно, пожалуй без «почти».) Серьезно – без вас я бы точно не справилась.

Лучшим в мире специалистам по продажам в книжной индустрии – я помню, что вы с самого начала светились уверенностью и энтузиазмом. О лучшем и мечтать нельзя – я самый везучий автор на свете. Норману и Триш – за то, что взяли меня под свое крыло и показали мне, что самое важное в нашем деле – это люди, которые тебя окружают. Норман, ты всегда верил в меня, и благодаря тебе моя мечта сбылась. Спасибо.

Моей семье (всех и не перечислишь: Камминсы, Мэттьюсы, а также те, кто вышел замуж и сменил фамилию) – звучит банально, но тем не менее: мне с вами очень повезло. У меня буквально дух захватывает от вашей внутренней силы и любви друг к другу, которую вы не раз проявляли все эти годы. Я горжусь тем, что мы с вами одной крови.

Джейми – ты самая благородная и отважная юная леди из всех, кого я когда-либо знала. Твоя активная жизненная позиция всегда казалась мне потрясающей. Знай: называть тебя своей двоюродной сестрой и подругой – честь для меня.

Джинне – словами не выразить благодарность за все, что ты для меня сделала. Да, я написала эту книгу в память о твоих дочерях, но именно твои вера и сила помогли мне перебороть страх. Я в жизни не встречала более отзывчивого и щедрого человека.

Маме с папой – за вашу безграничную любовь и поддержку, в которой вы никогда мне не отказывали (даже после переезда в «чужие враждебные земли»). За то, что с детства учили меня мыслями витать в облаках, а ногами твердо стоять на земле. За то, что всегда верили в меня и в часы сомнений напоминали мне об этом. Надеюсь, что вы сможете мной гордиться.

Кэти – что я могу сказать? Нам суждено делить наши чувства на двоих до самого конца. Мы повзрослели с тобой в один день, никто и никогда не поймет меня лучше, чем ты. *Eres la mejor hermanita en todo el mundo*¹.

И Тому – было чертовски трудно, и порой ты меня жутко бесил. Но теперь я люблю тебя еще сильнее, чем много лет назад, когда мы с тобой сидели на заднем крыльце у бабушки с дедушкой и мечтали. Том, ты мой герой.

¹ Ты лучшая младшая сестра во всем мире (*исп.*).

От автора

Эта книга не является художественным произведением. Она основана на судебных документах, полицейских рапортах, печатных и цифровых медийных источниках и интервью, которые я брала у людей, чьи имена вы увидите на этих страницах. Поскольку я сама была участницей тех событий, я включила в текст и свои собственные воспоминания.

Я приняла решение описывать произошедшее от третьего лица, чтобы представить его читателю со всех точек зрения. В диалогах пришлось в ряде случаев кое-что досочинить, однако отношения между персонажами и их взаимодействие основаны на реальных разговорах и часто содержат прямые цитаты.

Некоторые члены моей семьи попросили меня по причинам личного характера не упоминать в книге их имен, и я исполнила их просьбу. В остальном я старалась как можно строже придерживаться фактов и в описании событий, и в изображении их участников.

*Река рыдает и стонет
глотает воспоминания
плюясь бурунами обиды
и смертельной тоски
в своем луковом горе
несолеными брызжет слезами
голосит под луной*

*Мост развалился
река под ним свирепеет
к тебе уже не добраться
страшусь утонуть
только машу тебе стоя в тине
но теряю из вида
мечты уносит потоком со скал
в холодный омут
и вот меня больше нет
я исчезла в рыдающем гуле
навевающем сон².*

Джулия Керри

² Здесь и далее стихи в пер. Е. Чевкиной.

Пролог

В 1991 году я училась в школе на окраине столицы, мне было шестнадцать, и я была уверена в своей непобедимости. Я считала себя реально крутой. Вашингтон был тогда настоящим «городом смерти». По статистике в тот год каждый 1200-й его житель погибал насильственной смертью. Нашего мэра посадили, когда всплыло видео, на котором он курил с какой-то проституткой травку в номере мотеля. Однако за занавесой порока Вашингтон продолжал оставаться городом сияющей чистоты – улицы, застроенные правительственными зданиями, всемирно известные музеи, толпы туристов в одинаковых сувенирных футболках и с фотоаппаратами «Кодак» в руках. На фоне скандалов мой родной город расцветал лишь пышнее, словно черпал жизненные соки из крови убитых.

Вот почему в Миссури, куда родители на семейном минивэне повезли нас с сестрой и братом на весенние каникулы, мы, помимо личных вещей, прихватили с собой с Восточного побережья тамашные замашки и свою воображаемую «городскую закалку». Целых два дня мы ехали через залитые солнцем типично американские кукурузные поля, расстилавшиеся между Мэрилендом и Сент-Луисом; мы были уверены, что бесславно скончаемся в том фургончике от фирменной скуки Среднего Запада еще до того, как пересечем Миссисипи.

Горькая правда, с которой нам предстояло столкнуться, заключалась в том, что, вопреки нашему убеждению, мы вовсе не были крутыми. Мы были неплохо обеспеченными тинейджерами из пригорода, упивавшимися подростковыми переживаниями и не имевшими ни малейшего представления о «городской крутизне», которой так кичились. На дворе стояли ранние девяностые, и насилие среди молодежи тогда еще шокировало. Даже в нашем родном Вашингтоне, «городе смерти», оно не казалось чем-то обыденным; нас все еще удивляли рамки металлоискателей, установленные в дверях нашей школы с целью обуздать разгул преступности. Тогда еще не случилось массовое убийство в школе «Колумбайн», и мы даже не догадывались, какой жутью обернется для общества трагедия *такого* масштаба.

Родители гнали наш синий фургончик на Запад через самый центр Америки, и нам казалось, что все опасности городской жизни остались позади, на Восточном побережье. Мы и представить себе не могли, с какой невообразимой жестокостью нам предстояло столкнуться, не знали, что нас ждет катастрофа, которая за одну ночь разрушит нашу жизнь. Вашингтон нас к такому не готовил. К такому вообще ничто не способно подготовить.

Мое имя Джанин, однако меня с пеленок называли Тинк, а потому это прозвище будет периодически появляться на следующих страницах. Эта книга – рассказ о жестоком преступлении и о моей *семье*. По жанру ее можно отнести одновременно и к криминальной документалистике, и к мемуарам. Я потратила бесконечное множество часов на изучение фактов, улик, свидетельских показаний, судебных документов, протоколов заседаний и статей в прессе. Я изо всех сил старалась честно рассказать обо всем этом на страницах книги, но я не претендую на беспристрастность, поскольку речь пойдет о моей семье. Я хочу, чтобы зазвучали голоса жертв этой трагедии, уже более десяти лет заглушаемые более громкими голосами и более сенсационными происшествиями. Настала их очередь.

Джулия и Робин Керри – мои двоюродные сестры. Том Камминс – мой родной брат. Это *их* история.

Глава первая

На хлипком карточном столе теснилось столько тарелок и локтей, что Том Камминс боялся поднести ко рту вилку, – даже легкое движение было способно обрушить шаткую конструкцию. Справа от него сидела его двоюродная сестра Джулия Керри, которую совершенно не заботила неустойчивость стола; она была целиком поглощена уничтожением содержимого тарелки – горячего стир-фрая из курицы. Слева от него на скамье от дедушкиного органа сидели младшие сестры, Тинк и Кэти, – эти были заняты тем, что пинали друг друга под столом в ожесточенной борьбе за драгоценное свободное пространство для ног. Рядом с ними в массивном кресле, обитом синим велюром, устроилась сестра Джулии, Робин, а младшая – Джейми – птичкой примостилась на подлокотнике. Все пять девочек налегали на свои порции с усердием, не сулившим несчастному столику ничего хорошего, однако волновало это, кажется, только Тома.

За обеденным столом, где ели взрослые, вполне хватило бы места хотя бы для двоих из них, но никто не желал уходить из-за веселого стола – наоборот, все были готовы потесниться. Впрочем, в тот раз шесть кузенов вели себя непривычно тихо – возможно, благодаря вкусной еде, а возможно, сдерживаемые присутствием в соседней комнате родителей и бабушек с дедушками. Однако вероятнее всего причина заключалась во владевшей всеми шестерыми невысказанной грусти из-за неизбежной скорой разлуки. Они знали, что всего через двенадцать часов Камминсы с родителями уже будут катить в фургончике обратно на Восток, в Вашингтон, оставив позади Сент-Луис и своих кузин Керри.

Девятилетняя Джейми уже выцепила из рагу все кусочки курицы и теперь вяло гоняла по тарелке горошек и брокколи. Взгляд ее был прикован к тарелке Робин. Прикончив свою порцию овощей, та поменялась тарелками с сестрой. Тинк и Кэти, наблюдая за этим обменом, прыснули. Мясо-овощной бартер Джейми и Робин никогда не переставал их смешить. Их собственные строгие родители никогда не позволили бы им подобных выходов, так что неудивительно, что подростков так забавляла эта вседозволенность.

Девятнадцатилетняя Робин была убежденной вегетарианкой, тогда как Джейми всей душой ненавидела овощи. В результате сестры выработали простую систему, которая, к слову, в их доме ни у кого вопросов не вызывала, – их мать, Джинна, поощряла проявления индивидуальности. Однако Тинк и Кэти, выросшим в семье, в которой свободомыслие и подрыв родительского авторитета не приветствовались, этот обмен тарелками казался диким. Вообще, почти все в двоюродных сестрах представлялось им немного экзотичным. Хотели бы они быть такими же, как сестры Керри.

Шестнадцатилетняя Тинк буквально боготворила двадцатилетнюю Джулию за ее поэзию и темперамент, не говоря уже о том, что Джулия потрясающе играла в футбол, причем в нападении, как и сама Тинк. Кэти, которой было почти пятнадцать, в той же мере восхищалась Робин. За год до описываемых событий она даже пыталась стать вегетарианкой, но Тинк с Томом задрознили сестру, а ее мать, Кэй, четко дала ей понять, что, пока готовит она, Кэти будет есть, что дают, и точка. Кэти молча подчинилась, однако не перестала восхищаться независимостью и силой воли старшей кузины.

Том был в этой компании единственным парнем. Его лучшей подругой была Джулия, и он этим гордился – он считал ее по-настоящему крутой и старался брать с нее пример. Она смешно шутила, поддерживала его самооценку и вдохновляла его. Том был по натуре прагматиком, склонным к пессимизму, а Джулия учила его мечтать и стремиться к большему. Сам он, конечно, этого не осознавал – ему просто нравилось проводить с ней время. С ней было не скучно. Том и Джулия доверяли друг другу, причем настолько безоговорочно, что доверие автоматически распространялось и на их сестер; в результате вся компания порой ощущала

себя маленьким, но крепким и нерушимым тайным обществом. Так что не приходилось удивляться, что их последний общий ужин проходил печально и немного торжественно.

Но вот шесть тарелок из-под стир-фрая, ополоснутые водой, отправились в посудомоечную машину. Взрослые продолжали беседу за чашкой кофе, а младшее поколение удалилось в пахнущий плесенью подвал, где была обустроена игровая комната. Завели песни Саймона и Гарфанкела и сели играть в рамми. За обтянутым зеленым сукном столом было не менее тесно, чем только что за обеденным, и снова никого это не смущало. Сдавала в тот день Тинк, чей образ дополняли зеленый козырек и соленая соломка, заменившая сигару. Ставки были высоки – пластиковые фишки плюс престиж каждого из игроков. В какой-то момент с лестницы послышался голос Джинны: она сообщила, что идет домой, и велела Джулии не слишком задерживать Джейми. Игра продолжилась; Тинк, вместо того чтобы вести счет, написала прописными буквами свое имя на плече Тома. Как ни странно, Том не отнял у нее ручку, – в тот вечер проделка Тинк удивительным образом вписалась в общую атмосферу, – а просто рассмеялся и отпихнул ее, не дав добавить к букве «К» красивую завитушку. Примерно через час Тому надоело проигрывать, Джейми – играть, а Робин захотелось покурить, и компания приняла решение выйти во двор.

На Фэйр-Эйкрес-Роуд спустились сумерки. Тинк с Кэти босиком гоняли футбольный мяч по влажной от росы траве, а остальные устроили шуточный рыцарский турнир – Джулия оседлала Тома, а Джейми – Робин. В нескольких футах от дома на фоне пригородного пейзажа ржавым пятном выделялся некогда синий «Шевроле-Шеветт» Джулии. Задняя часть кузова была обклеена всевозможными наклейками, одна из которых гласила: «Рональд Рейган – лесбиянка». Джин, отец Камминсов, именно этот стикер находил особенно забавным.

Шестерка веселилась и развлекалась под темнеющим небом с нехарактерной для подростков непосредственностью. Как всегда, самой взрослой в компании выглядела девятилетняя Джейми. Своеобразное чувство юмора и непринужденная манера поведения делали ее старше и мудрее, так что в ней скорее удивляли редкие проявления ребячества. Но в тот вечер все они, отбросив серьезность, совершенно по-детски бесились, словно ловили за хвост ускользающее детство. Поэтому, когда на пороге дома, скрипнув раздвижной дверью, появился Джин, все шестеро с тяжелым сердцем остановили свои игрища. Пора было паковать вещи, принимать душ и отсыпаться перед долгой дорогой. Пора было прощаться.

Робин театрально взмахнула руками перед лицом Тинк и воскликнула: «Не уезжай, УМОЛЯЮ, не бросай нас!»

Все рассмеялись и тут же бросились обниматься, бормоча друг другу куда-то в область шеи: «Буду скучать! Люблю тебя! Писать буду каждый день!» Джин стоял на крыльце, закатывал глаза и качал головой. К показательному сарказму примешалась и парочка искренних, хоть и умело замаскированных слез. Горечь неизбежного расставания немного сгладили Робин и Джулия, пообещав летом приехать в Вашингтон погостить. После бурных прощаний три сестры сели наконец в колыхающую Джулии и укатили.

Джин загнал своих детей в дом и каждому поручил задание по подготовке к завтрашней поездке. Том немного подождал, убедился, что сестры не подслушивают, и попросил у отца разрешения выйти прогуляться. Джин покачал головой – завтра трудный день, надо лечь пораньше, чтобы как следует выспаться. Его совсем не привлекала перспектива провести два дня в машине с уставшим угрюмым сыном.

Том обиженно засопел, но спорить не стал. «Ладно, пойду позвоню Джулии и скажу, что сегодня не смогу», – сказал он, глядя на родителя с нахальством, на какое способны только девятнадцатилетние парни.

Джин невозмутимо пожал плечами: «Ну так иди звони».

План тайного побега из дома для встречи с Джулией возник у Тома почти случайно. Вообще-то на прошлой неделе он уже удирал без разрешения из дома по другому поводу, но сейчас понадеялся на понимание отца. С этим ничего не вышло, но Том не собирался позволить отцу испортить его, Тома, планы на вечер.

Почти всю неделю он спал на откидной койке в задней части фургончика. После долгой бессонной ночи, проведенной на синем бабушкином велюровом диване, – из-за тонкой панельной стены слышался отцовский храп, – Том убедил родителей, что будет разумно отпустить его спать в фургон, где ему будет вполне удобно. В конце концов, зачем нужна откидная койка, если никогда ею не пользоваться? Поэтому всю неделю с наступлением «отбоя» Том брал ключи от фургона и от дома и уходил на улицу. Но в тот вечер он намеревался пойти не к фургончику, а на угол улицы, чтобы подождать там Джулию.

Том аккуратно положил трубку старого дискового телефона, повернулся на барном стуле дедушки Арта и оказался нос к носу со своей сестрой Тинк, из чего моментально вывел, что его план раскрыт. Потратив несколько минут на нытье и упрашивания, Тинк почти смирилась с тем, что ее не берут, но тут из ванной с обернутым вокруг головы полотенцем и зубной щеткой во рту показалась Кэти, горящая желанием знать, что происходит. Тинк начала возбужденно рассказывать ей о готовящейся вылазке, надеясь найти в ней союзницу; Том нервно поглядывал на лестницу и шикал на сестру, чтобы та говорила тише. Кэти ушла обратно в ванную сплюнуть зубную пасту, но вернулась и перечислила недостатки плана операции. Наиболее очевидный и досадный заключался в том, что Тинк и Кэти ночевали в гостевой спальне, расположенной прямо напротив комнаты бабушки с дедушкой, а у тех был чуткий сон. Незаметно прокрасться мимо них было почти невозможно даже в одиночку, не то что вдвоем. Тому было проще. Ему вообще не требовалось сбегать из дома – достаточно было незаметно пойти в другую сторону. Доводы Кэти звучали до отвращения логично, и Тинк сдалась, хотя уже с лестницы фыркнула, что ей не больно-то и хотелось навязываться, – другое дело, если бы ее пригласили.

В этом эпизоде отчетливо проявились различия в характерах сестер Камминс. Тинк, мечтательная и веселая, почти никогда не думала о практических аспектах дела; в футбольной и хоккейной команде ей отводили роль центрфорварда; она всегда старалась быть в центре внимания окружающих и чаще всего этого добивалась. Кэти, более застенчивая и склонная к сарказму, была смелее. На поле она стояла на воротах. Более приземленная, она вела себя благоразумнее старшей сестры. Если Тинк предпочитала нападение, то Кэти – защиту.

Сестры пожелали брату удачи и вернулись к своим делам. Тинк, собирая свои вещи, еще, конечно, дулась, пока не начала зевать и клевать носом. В конце концов она пришла к выводу, что мягкая постель не такое уж плохое завершение вечера. Вскоре все приготовления к завтрашнему отъезду были завершены; одно за другим погасли окна уютного домика, и его обитатели легли спать.

Том сидел в подвале, в ванной, и тянул время. Он дважды почистил зубы. Потом почистил их зубной нитью. Потом еще раз щеткой. Посмотрел на часы. Потом сел на крышку унитаза и принялся ждать, нервно прислушиваясь, когда наверху стихнут последние звуки. От нечего делать он листал женский журнал, оставленный матерью, изо всех сил стараясь не смотреть на часы. Обычно он ложился спать последним, так что родители не должны были ничего заподозрить, если бы услышали, как он идет к фургончику, когда все уже разошлось по спальням. Тем не менее он надеялся, что к моменту его выхода из дома все уснут. Вскоре ему надоело читать рецепты идеальных тортов, он отбросил журнал, еще раз оглядел себя в зеркале и выключил в ванной свет.

В одиннадцать часов Том, чувствуя себя лазутчиком и немного идиотом, закрыл дверь дедушкиного кирпичного домика на ключ. Возле дома зажегся уличный фонарь, осветив, как показалось Тому, чьи глаза уже привыкли к темноте, не только их двор, но и всю округу. Он посмотрел на окно комнаты, в которой спали его родители; шторы были задернуты, жалюзи

опущены, никакого движения не наблюдалось. Том открыл фургон, забросил внутрь рюкзак, чуть выждал и захлопнул дверцу. Сам того не сознавая, он затаил дыхание, обогнул фургон и быстро, но стараясь не шуметь, вышел на улицу. На перекрестке запустил руку в карман куртки и вытащил пачку сигарет. Закурив, он еще пару минут постоял на углу, наблюдая за домом. Если бы кто-то заметил его уход, то наверняка через минуту-другую нагнал бы его. Сигарета обеспечивала неплохое алиби – в случае чего он предпочел бы быть пойманным на курении, чем на несанкционированной ночной вылазке. Однако со стороны дома не доносились ни звука, и примерно на половине сигареты Том развернулся и ушел в прохладный сумрак ночи, размышляя о том, как глупо в девятнадцать лет чувствовать себя мошенником, вопреки запрету отца улизнув ночью из дома.

Вообще-то, спрашивая у отца разрешения погулять, он собирался зайти в бар «У Дэнни», выпить кофе и поболтать с Джулией и Робин. Однако теперь он уже выбрался из дома, и времени у него было навалом. Джулия и Робин подъехали на машине, которую Том за назойливое, почти мотоциклетное тарыхтение двигателя окрестил «шершнем», и вся троица устроила небольшое совещание. Перекрикивая шум автомобиля, они стоворились выполнить один забытый пункт из недельного списка дел, а именно съездить полюбоваться на стихотворение, которое Джулия с Робин написали баллончиками с краской на настиле Старого моста Чейн-оф-Рокс. Заскочат туда, прогуляются под луной, поглядят на стихотворение, а уже потом поедут пить кофе.

Тому без особых усилий удалось отогнать от себя нормальные для подобных обстоятельств страхи. Он убедил себя, что волноваться не о чем, что Средний Запад – не Восточное побережье и с ними все будет хорошо. В конце концов, он уроженец Вашингтона, а город Сент-Луис в штате Миссури по степени опасности вряд ли сравнится с «городом смерти». Том пал жертвой распространенного заблуждения – как раз Сент-Луис вполне мог потягаться в этом плане с Вашингтоном, просто в отличие от последнего каким-то образом ухитрился избежать дурной репутации. Тогда, в 1991 году, его все еще считали «окном на запад», безопасным и приветливым городом на реке Миссисипи. И тот факт, что Сент-Луис занимал третье место в стране по количеству убийств, не удостоился широкого обсуждения по печальному недоразумению. Само собой, об этой статистике не были осведомлены ни Том, ни Джулия с Робин.

Так что атмосфера в салоне «шершня» царил легкая и веселая. Джулии и Робин не терпелось показать брату плоды своего творчества. Том чувствовал уверенность и даже воодушевление – всего за неделю он уже дважды удрал из дома. Разговор, как водится, прыгал с политики на религию, с религии на секс, с секса на музыку. Темы менялись так же часто и непринужденно, как полосы, по которым «шершень» под управлением Джулии катил по шоссе I-70.

Глава вторая

К той ночи на четвертое апреля 1991 года Том Камминс переживал последнюю стадию масштабных изменений личности – для девятнадцатилетнего парня дело скорее обычное. Из кокона неловкого застенчивого школьника-лузера уже проклевывался молодой целеустремленный пожарный. По мнению самого Тома, благодарить за эту метаморфозу следовало сидевшую слева от него девушку.

До появления в его жизни Джулии он и представить себя не мог вовлеченным в оживленный интеллектуальный разговор с двумя умными собеседниками. До знакомства с Джулией Том с угрюмым молчанием сидел бы в машине, периодически закатывая глаза и в ответ на все вопросы пожимая плечами, но не потому, что ему нечего было сказать, а потому, что ему не хватало уверенности в себе. Благодаря Джулии он научился свободно высказывать свое мнение на любую тему, от фильма «Общество мертвых поэтов» до последних выходов мэра Барри. Правда, он полагал, что Джулия этих перемен не замечает, поскольку с ней он и раньше не стеснялся выражать свои мысли. Ему оставалось лишь гадать, до какой степени она сама понимает, как помогла ему вырасти.

Отдельного долгого и местами печального рассказа заслуживает история взаимоотношений Тома с американской школьной системой. К старшей школе он успел свыкнуться с тем, что учителя считают его апатичным, если не туповатым. В пятнадцать лет у него появились проблемы чуть более серьезные, чем плохие оценки и равнодушие к учебе. Взросление давалось ему трудно. Том стал еще более застенчивым и косноязычным и вдобавок начал комплексовать из-за пары лишних килограммов. Честно говоря, комплексовал он почти по любому поводу. Когда первая девушка бросила его и стала встречаться с его лучшим другом, он отгородился от всех глухой стеной безразличия.

Он прибил к панкам из школы. Восхищался бритыми наголо девушками с пирсингом. Фанател от *Sex Pistols*. Начал курить, и курил много. Купил синюю краску для волос, однако применить ее по назначению не рискнул и отдал Тинк, которая выкрасила себе косы для участия в чирлидинге. Он часто прогуливал уроки – когда был уверен, что это не обернется для него неприятностями. В общем, он из кожи вон лез, чтобы вписаться в общество сверстников, но популярности это ему не принесло.

Том взял привычку привирать и рассказывать какие-то невообразимые истории, чтобы покрасоваться перед друзьями или оправдаться перед родителями – за плохие оценки, за то, что вопреки запрету пошел на вечеринку. Он ходил по лезвию ножа, но делал это аккуратно и хорошо видел черту, за которую лучше не переступать. Он прекрасно понимал разницу между обычным подростковым непослушанием и откровенно скандальным поведением. Нельзя сказать, что он совсем отбил от рук. В своем бунтарстве он следовал той же модели, что и в учебе: позволял себе ровно столько, сколько нужно, чтобы регулярно злить родителей и заставлять их волноваться, но никогда не доводил до того, чтобы его сочли пропащим. Он в общем-то не был плохим парнем – он просто ни в чем не блистал.

Джина отношения с сыном безмерно раздражали. Он тоже был старшим ребенком в семье, но в отличие от Тома рано воспитал в себе целеустремленность и чувство ответственности. Он и помыслить не мог ослушаться отца и потому особенно болезненно воспринимал дерзость Тома. Джин не понимал сына, не пытался поставить себя на его место и отказывался терпеть его разгильдяйство и подростковые провинности.

Как-то раз Том вернулся домой почти на час позже, чем обещал, выглядел сонным, и от него разило персиковым шнапсом. Отец отправил его спать, решив отложить нагоняй на завтра. В семь утра он прокрался к сыну в спальню, поставил в проигрыватель кассету с записью концерта Чайковского, выкрутил ручку громкости до отказа и нажал кнопку. Затем сдернул

с Тома одеяло и заорал, чтобы тот немедленно встал и оделся, потому что похмелье похмельем, а гараж сам себя не уберет.

Подобные конфликты повторялись все чаще, и Том принял правила игры. Он поступал именно так, как от него ждали, запустив цепочку дурной бесконечности: несносный подросток – злой родитель – несносный подросток – злой родитель, и так по кругу. Дело принимало не самый приятный оборот. А потом, в один прекрасный день – Том учился на втором курсе в колледже Гейтерсберга – произошло нечто невероятное.

Джин, имевший сан дьякона, принимал активное участие в деятельности католической церкви: проводил службы для пациентов местной больницы, причащал стариков... И вдруг ему предложили должность капеллана местной пожарной части. Джин с радостью согласился – ему нравилось помогать людям, которые с таким благородством и смелостью рискуют собой во благо общества. С присущими ему энергией и деловитостью он прошел необходимую подготовку, официально вступил в должность и тут же развернул масштабную волонтерскую программу. Неожиданным бонусом этой работы стало впечатление, которое Джин произвел на своего сына.

Впервые за многие годы Том позволил себе некоторые внешние проявления уважения к отцу, дремавшего у него в душе. А Джин по чистой случайности внезапно обрел с сыном общий язык, который безуспешно искал все это время. Джин поставил пожарный радиоприемник рядом с кухонным столом и не расставался с рацией и пейджером. Кэй раздражало их постоянное попискивание, зато муж и сын на них чуть ли не молились. Том поначалу пытался делать вид, что его это не интересует, но про себя считал новую работу отца почти героизмом. Ему становилось все труднее скрывать свое любопытство. Настал момент, когда он начал спрашивать отца о том, что означает тот или иной звуковой сигнал или кодовое слово, которое использовали диспетчеры, о зонах обслуживания пожарных подразделений и о роли и статусе в этой структуре самого Джина. Тот отвечал на его вопросы с тщательно скрываемой радостью, а потом как бы между делом предложил Тому съездить с ним в пожарную часть.

Тому тогда было пятнадцать, и после первой же экскурсии по Восьмой пожарной части Гейтерсберга он понял, что нашел свое призвание. Родители решили, что это временное увлечение, но были так счастливы, что сын перестал валять дурака, что охотно его поощряли. В начале нового семестра в школе вывесили список направлений для практики, и Том едва не запрыгал от радости, обнаружив в нем окружной пожарный учебно-тренировочный центр. Он был настолько возбужден, что дома уговорил отца в тот же вечер позвонить сержанту. На следующий день Тома зачислили в группу.

На протяжении двух лет Том после школы садился в автобус и ехал в пожарный учебно-тренировочный центр округа Монтгомери на занятия. У него повысилась успеваемость в школе, а учебно-тренировочный центр Том окончил в числе лучших.

В честь выпуска Кэй с Джином подарили Тому билет до Флориды и обратно, и он пару недель провел у бабушки с дедушкой, которые, выйдя на пенсию, поселились в Клируотере. Джулия тогда окончила первый курс колледжа и тоже решила поехать на лето во Флориду. Они с Томом не виделись много лет. Джин и Кэй покинули родной Сент-Луис давным-давно, когда Джин поступил служить во флот. Многие из его братьев и сестер, которых было в общей сложности восемь, последовали примеру старшего брата и постепенно разбрелись по всей стране. Но мать Джулии, Джинна (старшая из Камминсов после Джина), осталась с семьей в Сент-Луисе. Не успели двоюродные брат с сестрой встретиться под одной крышей у дедушки Джина и бабушки Марии, между ними мгновенно вспыхнула симпатия. Оказалось, у них немало общего. Один и тот же эклектичный вкус к музыке и кино и схожее нестандартное чувство юмора; оба любили пиво и были слишком юны, чтобы свободно его покупать. Джулия ничего не знала о трудностях Тома с учебой, но догадалась, что он чувствует себя белой вороной. Его это обрадовало и потрясло. Не будь она его двоюродной сестрой, Том никогда бы не подумал,

что такая обаятельная, красивая и умная девушка сумеет его понять. Потом он сообразил, что и Джулия была не такой, как все, просто в ней это проявлялось иначе. И впервые в жизни ему в голову закралось подозрение, что, возможно, быть не таким, как все, и даже немного странным, не так уж плохо.

Они каждый день ходили вдвоем на пляж и стали постоянными посетителями дайв-бара, где потягивали безалкогольные коктейли и наблюдали за волейболистами. Их дружба крепла на глазах, и с каждым новым разговором они все больше доверяли друг другу. Они обменивались самыми сокровенными секретами и следили друг за другом, чтобы не сгореть на солнце. Обсуждали поэзию, и Джулия с гордостью читала Тому свои стихи. Том признался, что мечтает стать пожарным, и Джулия горячо его поддержала. Они говорили об общих родственниках, и Джулия с красочными подробностями описывала свое детство в окружении множества кузенов и бабушки с дедушкой. Том слушал и представлял себя участником каждой из этих историй. Они все лучше узнавали друг друга. Благодаря рассказам Джулии Том открывал для себя собственную большую семью; она ценила в нем внимательного слушателя. Они касались любых тем, от религии до экологии, от политики до брака. Они спорили, но никогда не ссорились. Джулия как-то раз в шутку упомянула даже, что в Зимбабве закон разрешает двоюродным братьям и сестрам вступать в брак.

В последний перед расставанием вечер того лета они долго гуляли и вернулись домой, когда все остальные давно спали. Том тихо провел сестру на задний двор, выудил из мусорного бака крышку от пластикового контейнера для еды и приспособил ее под пепельницу. Они сидели за столом на террасе и курили, светя тлеющими кончиками своих «Мальборо-лайт», похожими на порхавших вокруг них светлячков, пока не заполнили самодельную пепельницу окурками один, а потом и второй раз. Они говорили обо всем, посвящали друг друга в самые темные свои тайны, вытаскивали из воображаемых шкафов самые ужасные скелеты, вместе улыбались и вместе плакали. Когда они наконец ушли в дом спать, гладкой поверхности бассейна уже коснулись первые лучи солнца.

Та неделя стала для Тома своего рода мостиком между подростковым возрастом и взрослой жизнью и помогла ему лучше понять самого себя и примириться со своей натурой. Благодаря Джулии изменилось его отношение к семье, которая заняла в его мире гораздо более важное, чем раньше, место, и с тех пор это чувство только усиливалось. Уезжая домой, он чувствовал себя взрослым человеком, полным зрелых мыслей и открытым новым перспективам. Однако сидя в поезде, уносящем его из Флориды на север, он смотрел в окно на юг и плакал, как ребенок.

Дружба, за ту неделю сблизившая их с Джулией, впоследствии стала для обоих постоянным источником сил и вдохновения. Они регулярно писали и звонили друг другу. Джулия подбадривала и успокаивала своего склонного к панике кузена, пока его заявление рассматривали в окружной пожарной части, где был высокий конкурс, и потом, на протяжении адски тяжелого первого года обучения. Они делились друг с другом своими проблемами, и, хотя обсуждали обычные темы, их разговоры не сводились к банальностям и служили ниточками, которыми они старательно сшивали свои жизни. В своих открытках и письмах Джулия посылала Тому стихи и слова песен:

*Слушая «Til Tuesday»,
Я думала о тебе:
Прости и прощай, любимый:
Я считала до бесконечности,
А не дошла и до десяти,
Прости и прощай, любимый,
Однажды нам открылась прореха в небе,*

Мы могли бы туда войти...

День рождения Тома приходился на второе ноября, но в том году он еще в октябре получил от Джулии открытку:

«...Вчера я впервые за несколько месяцев слушала New Order, и музыка звучала так же сладко, душевно и реально, как в один теплый июньский вечер, когда я была с другом, по которому очень скучаю.

Пиши.

Джулс

P. S. Знаю, что для поздравления рановато, но я вечно тяну до последнего, пока не станет слишком поздно, поэтому решила послать его сейчас, пока не забыла».

Так что в тот вечер четвертого апреля 1991 года Том, сидя в салоне «шершня», смотрел на свою кузину с восхищением и чувствовал, как его охватывает тепло. Без сомнения, он любил ее больше всех на свете и гордился знакомством с ней. Ему было хорошо. Благодаря Джулии он научился видеть в себе хорошее. Он гордился своей работой. Он перестал стесняться и сомневаться в собственных умственных способностях – напротив, ему начинало нравиться высказывать свое мнение, четко его формулируя. Вдобавок ко всему после многих лет распрей с родителями, отделенных от него пропастью непонимания, те наконец признали, что могут им гордиться. Что-то говорило ему, что теперь все в мире встало на свои места. Его метаморфоза почти свершилась. Если все пойдет по плану, то совсем скоро из тесного душного юношеского кокона появится на свет здоровый и счастливый молодой мужчина.

Неделя каникул в Сент-Луисе была восхитительной, а присутствие Джулии придало Тому новых сил. В один из вечеров они, выпив по несколько чашек кофе и накачавшись кофеином, поехали в квартал Леклидз-Лендинг с видом на арку Национального парка и уселись на капоте полумертвого шевроле. Отправились они туда не случайно. В этом районе Сент-Луиса сосредоточилась вся «движуха» – там была целая улица баров, в которых тусовалась молодежь от двадцати и чуть старше. Тома с Джулией ни в один из этих баров не пустили бы, поэтому они просто сидели на капоте автомобиля, ощущая сквозь синюю ткань джинсов тепло двигателя и с завистью глядя на светящиеся окна пабов. Вскоре Джулия вполне ожидаемо перевела разговор на «социальные реалии жизни в стране, которая с радостью пошлет восемнадцатилетнего парня на войну, но ни за что не нальет ему перед бойней на посошок». Возможно, все дело было в обстановке – разве это справедливо, что ребята всего на пару лет старше их выпивают и радуются жизни, а им остается только на них глазеть? Или в природном даре Джулии подмечать любую деталь и превращать ее в интересную, живую и важную тему серьезной беседы. Как бы то ни было, их дружба постоянно подпитывалась этими ежедневными разговорами и спорами по существу. Так они и болтали, а в какой-то сотне ярдов от них слышался низкий гул Миссисипи, сопровождаемый звоном сотен чокающихся бокалов по всему Леклидз-Лендингу.

* * *

Джулия Керри – заряд чистой энергии ростом чуть больше пяти футов и весом 105 фунтов – выросла вместе со своим двоюродным братом Томом. Ее лоб почти до самых больших карих глаз прикрывали густые темные блестящие кудри. Это была ее фирменная прическа, которую она не меняла много лет, с тех пор, как Джинна сдалась и перестала заплетать ей

косы. В детстве Джулия сама пару раз пыталась укротить свои непослушные волосы, но, когда выросла, смирилась с их буйством (а может, даже его полюбила).

Джулия была природным лидером – еще девчонкой она повсюду искала неприятности, а то и сама их создавала. Наделенная обостренным чувством справедливости, она никогда не боялась высказывать свои мысли, хотя иногда впадала в тихую задумчивость. Джулию, раздираемую изнутри противоречиями, можно было назвать ходячей аномалией. Она часто говорила: «Если я не посмотрюсь в зеркало, то потом могу спокойно ходить, считая, что выгляжу сногшибательно, хоть это и не так». И эта скромность делала ее неотразимой.

В Университете Миссури в Сент-Луисе Джулия училась на факультете английского языка – она обожала слова. Поэзия была ее страстью – она помогала ей осмыслить свою жизнь и увидеть перспективу. Стихотворение «Продажа Манхэттена» она написала в рамках курса по литературе коренных американцев, используя полученные знания об их культуре и добавив щепотку собственной иронии:

*а как его было им не продать —
сделка века! —
только представь себе дураков
вообразивших что можно
землю
ухватить как червонец
и выбить поперек нее
свои имена
они видимо тут недавно
приезжие
или туристы
мы потом смеялись,
отчего бы им не купить и небо
мы и его бы им продали
за милую душу*

Джулия серьезно относилась к учебе и много времени уделяла поэзии, но не меньшее место в ее жизни занимали друзья, в том числе Том. Они служили ей отдушиной, давали возможность иногда отбросить серьезность и по-детски подшутиться.

В Сент-Луисе они с Томом однажды зашли пообедать в дешевое придорожное кафе с пластиковыми стульями и деревьями в горшках. Усевшись за стол в тени зонта, Том заказал тройной клуб-сэндвич с дополнительной порцией майонеза и картошку фри. Джулия последовала его примеру. До невозможности типичная для Среднего Запада официантка принесла им заказ, улыбнулась и пожелала приятного аппетита. Они ели, равнодушно поглядывая на спешащих мимо прохожих.

Первые несколько минут за столом царил тишина, нарушаемая редким причмокиванием и шумом втягиваемой через соломинку колы. Джулия посмотрела на Тома – тот сидел с ломтиком картофеля в одной руке и гигантским сэндвичем в другой – и не удержалась от смеха.

– Ты чего? – не особо обидевшись, спросил Том.

Она прикрыла было рот, но тут же отдернула руку, и Тому предстало зрелище недожеванной картошки. Отсмеявшись, она глотнула из соломинки еще колы и прочистила горло.

– Где наши манеры? – хохотнула Джулия. – Можно подумать, мы с волками росли.

Том прикинул, какое впечатление он производит со стороны: потная футболка, обшарпанные сандалии, поза, от которой пришел бы в ярость любой учитель, разговор с набитым ртом. Джулия выглядела не лучше – она так низко наклонилась над своей тарелкой, что пле-

чами едва не касалась стола. Большую часть еды они уничтожили меньше чем за пять минут. В стоявшей посередине стеклянной пепельнице лежали дотлевшие окурки двух сигарет – они даже не затушили их, когда им принесли заказ. Пожалуй, Том был согласен с подругой. И, не дав себе труд дожевать, вместо ответа показал ей содержимое своего рта.

Но больше всего Джулия дорожила дружбой со своей сестрой Робин. По ее словам, между ними периодически вспыхивали типичные для сестер конфликты – чья очередь мыть посуду, или кто прикончил рулон туалетной бумаги и не повесил новый. Обе вспыльчивые и по-юношески нетерпимые, они с удовольствием узнавали друг в друге себя; их объединяли общие интересы. Робин, которой достался такой же пылкий ум и такое же чувство юмора, разделяла любовь сестры к музыке и поэзии. Но главным, что отличало их от других, было обостренное чувство справедливости и готовность к действию. Знакомые Джинны поражались тому, как сестры ладят между собой, а Джинна и вообразить не могла, что бывает иначе. Джулия и Робин были лучшими подругами и болтали часами напролет, обсуждая совместные планы по спасению мира.

На прошлое Рождество Джулия прочитала в очередном выпуске газеты «Сент-Луис Пост-Диспэтч» статью о сотне наиболее нуждающихся в городе семей, и решила, что они должны помочь одной из этих семей отметить праздник.

– Прости, дорогая, но мы и так едва сводим концы с концами, – ответила Джинна дочери, когда та подняла эту тему. – Кто бы нам самим помог...

Но Джулия с Робин так просто не отступились. Они стояли на своем, пока мать не сдавалась, но оставалась проблема с деньгами. На следующий вечер Джулия, вернувшись домой, объявила, что договорилась аж с *двумя* семьями. Джинна схватилась за голову. Но ее тревога быстро улеглась – за несколько дней Джулия и Робин обошли всех своих знакомых и собрали на благое дело шестьсот долларов. Помогая доставить нуждающимся вещи первой необходимости и рождественские подарки (им понадобилось сделать пять ходок с полным багажником), Джинна буквально светилась от гордости за дочерей.

Робин, как и ее сестры, была невысокого роста – меньше пяти футов – а весила от силы сотню фунтов. Она была очень хороша собой, хотя терпеть не могла всякую «милоту». У нее были красивые высокие скулы и большие живые глаза. Несмотря на это, она считала красавицей не себя, а Джулию. Обладательница заразительной улыбки, волосы она носила (во всяком случае, в первые месяцы 1991 года) прямыми, свободно падающими каштановыми прядями до плеч, и только из-за правого уха у нее свисала на грудь длинная косичка толщиной в одну восьмую дюйма с выкрашенным в черное кончиком. Это был единственный неизменный элемент прически Робин – не просто косичка, а своего рода якорь, брошенный одновременно в прошлое и в будущее.

Робин было девятнадцать лет, и она училась на первом курсе в Университете Сент-Луиса. Как обычно, она последовала по стопам сестры, – держась к ней достаточно близко, чтобы взять от Джулии все хорошее, и вместе с тем достаточно далеко, чтобы не терять индивидуальности. Робин была талантливой и непокорной. Она наблюдала за всем, что делала Джулия, и перенимала у нее те качества, которые ей нравились. Джулия была ее наставницей, ее музой, но все же Робин оставалась на сто процентов самостоятельной личностью. Чуть застенчивее сестры, со спокойным нравом, она фонтанировала свежими идеями, была умна, саркастична и полна энтузиазма.

Ее спальня была воплощением артистичной натуры своей хозяйки. По всей комнате стояли на видных местах ее скульптуры, а на полях ее тетрадей и учебников красовались нарисованные драконы и феи. Она окружала себя красивыми вещами, в которых видела отражение существующей в мире доброты. Робин верила в карму и во врожденную человеческую гуманность, и эти убеждения перевешивали присущую ей тягу к цинизму. Она любила повторять

любимую поговорку Джулии: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю». Именно этому сестры и посвящали все свои силы и время.

Как и Джулия, Робин занимала не просто активную, а гиперактивную гражданскую позицию. В свободное от учебы время сестры ходили в Семейный центр Армии спасения в центре Сент-Луиса, помогали младшим школьникам с уроками. Периодически работали волонтерами в Международной амнистии и в Гринписе.

Как-то раз, еще в начальной школе, Робин принимала участие в благотворительной акции, и этот первый опыт навсегда изменил ее. Она горячо одобряла идею делиться продуктами с теми, кто не в состоянии их купить. В отличие от других детей, грабивших родительские полки в поисках просроченных консервов с фасолью и ненавистными супами, Робин, придя домой, направилась напрямик к своей копилке, разбила ее, достала семь долларов мелочью и попросила Джинну подбросить ее до магазина. По дороге она советовалась с матерью, какие продукты лучше приобрести. Джинна, поразмыслив, предложила остановить выбор на тунце и арахисовой пасте, поскольку и в том и в другом много белка, а такие дорогие продукты благотворители обычно не раздают. В магазине Робин набрала на свои семь долларов консервных банок с тунцом и с арахисовой пастой. С тех пор Робин каждый год проделывала то же самое.

Но она не была слепой идеалисткой. Как раз наоборот – действовать ее заставлял врожденный пессимизм. Она верила, что несет личную *ответственность* за изменение мира. Если она не протянет руку помощи нуждающимся, рассуждала она, кто сделает это за нее? Робин обладала бойцовским характером, рьяно защищала все – и всех, – кого любила, и ничто в мире не могло сбить ее с верного пути. Она верила, что справится с чем угодно, надо только постараться.

Робин было всего пятнадцать, когда родители развелись и Джинна после восемнадцати лет занятий домашним хозяйством и детьми вернулась на работу. С финансами было туго, и Робин твердо решила помогать матери. Она подрабатывала после школы, но деньги не тратила, и на Рождество подарила Джинне плюшевого мишку с прицепленной к лапе запиской: «Предъявитель сего уполномочен оплатить два счета на выбор». Робин знала, что на оплату даже одного счета уйдет все, что она скопила, но это ее не остановило.

Так что бойцом Робин была не в теории, а на практике. Однажды на перемене в старшей школе Хэйзелвуд-Ист она случайно услышала, как хулиган шести с лишним футов росту угрожает самому маленькому в классе пареньку. Она наблюдала подобное уже не раз, но в тот день сказала себе, что всему есть предел. Она просто не могла больше стоять в стороне, пока этот ублюдок издевается над слабым. С грохотом захлопнув свой шкафчик, Робин подошла к верзиле и нанесла ему удар в челюсть. Вряд ли тот почувствовал боль, но с тех пор присмирел и перестал задирать парня, а Робин заработала репутацию бесстрашной девчонки.

Как и Джулия, и их кузен Том, Робин стояла на перепутье. Она выросла и превращалась в прекрасную молодую женщину с сильным и страстным характером. У нее была хорошая и счастливая жизнь, она ценила свою семью. И когда на весенние каникулы к ним приехали Камминсы, она проводила с ними все свободное время. Джулия и Том стали на той неделе неразлучны, и Робин с Джейми старались к ним присоединиться. Робин хотелось лучше узнать своих двоюродных сестер и брата, и они отлично поладили. У Тинк оказалось такое же чувство юмора, как у Джулии, и Робин было с ней весело. Ну, а Кэти искренне восхищалась Робин, и та с удовольствием обсуждала с ней свои увлечения и планы.

Одним словом, та неделя в Сент-Луисе выдалась удачной, как ни посмотри. Младшим Камминсам нравилось в доме бабки и деда с материнской стороны, и они наверстывали упущенное время, общаясь с двоюродными сестрами. Благодаря дружбе Тома и Джулии все остальные – Робин, Джейми, Тинк и Кэти – тоже сдружились. Том увидел родных сестер глазами кузин и понял, что они не так уж его и раздражают и с ними даже интересно. Поэтому, хотя каникулы подходили к концу и пора было возвращаться к работе и прощаться с подругой,

Том, сидя той апрельской ночью рядом с Джулией, не мог стереть с лица улыбку. Они вспоминали все, что успели сделать вместе за неделю. Вспоминали, как гуляли вечером по центру, как, устроившись под аркой, наблюдали за снующими по Миссисипи речными трамвайчиками. Час пик давно миновал, в воздухе веяло ночной прохладой, с реки дул бриз, превращая кудри Джулии в небольшие торнадо. Они сидели, вытянув ноги, срывали травинки и думали о том, какими крохотными они, должно быть, кажутся припозднившимся туристам, глядящим на них с арки. Это был тот редкий момент, когда понимаешь, что счастлив здесь и сейчас, и они оба чувствовали, что не скоро забудут это ощущение.

Джулия улыбалась – просто так, от хорошего настроения – и заметила, что Том тоже улыбается. Она глубоко вздохнула и, хотя к природному запаху, доносившемуся с реки, примешивался дух картошки фри из «Макдональдса», ей казалось, что она дышит подлинной атмосферой своего города, своего родного города. Эта могучая река, река Марка Твена, Уильяма Фолкнера и Томаса Элиота, была его артерией. Ее ток струился сквозь нее, пронизывая, подобно кровеносным сосудам, ее сознание и ее стихи.

Они с Томом выкурили одну сигарету на двоих, глядя на небольшие лодки, плывущие по реке. Стоял вечер первого апреля – за три дня до описываемых событий. Джулия достала из внутреннего кармана черной кожаной куртки открытку и протянула Тому, взяв с него обещание прочитать ее только дома. Его этот жест глубоко тронул, но не удивил – Джулия часто радовалась друзей подобными знаками внимания.

Забирая у Джулии открытку, Том не мог представить себе, что готовит им судьба, какими прекрасными покажутся ему эти строки и с какой болью он будет читать их всего несколько недель спустя. Но в тот вечер он перед сном достал открытку из кармана и прочитал:

*Наша любовь
не слияние наших тел
а слияние нас.*

*Наша дружба
не растраченный вместе смех,
а копилка спрятанных слез.*

*Мы делим с тобой
не высказанные мысли
а несказанные слова.*

*Мне не будет хватать
не того что мы вместе делали
а того чем мы были.*

– Никки Джованни

И – почерком Джулии – приписка:

1 апреля, 1991

Том!

Я люблю тебя – никогда этого не забывай, где бы ты ни был и сколько бы времени ни прошло. Я не забуду тебя и через миллион лет. Помни и ты меня.

Джулс

За особенно крутым изгибом реки в нескольких милях к северу от плавучего «Макдональдса» над водой возвышался Старый мост Чейн-оф-Рокс. Могучая Миссисипи терялась на фоне этого старинного сооружения. Вода робко омывала непоколебимые опоры, скрывая в глубине разрушенные элементы конструкции.

Возможно, Джулию так тянуло к старому мосту потому, что в его противоречивой сущности она узнавала себя. Одни люди шли туда в поисках покоя и безмятежности, другие – за адреналином и острыми ощущениями. Это было место публичного одиночества, обветшалого великолепия и страшной красоты. Место, где ее граффити, в котором она старательно выписала каждое слово, со всех сторон окружала природа – плотные шеренги деревьев, гирлянды вьюнка, изломанная береговая линия. Это место играло на струнах ее чувств и дарило ей вдохновение. Она всем сердцем любила этот старый мост, и ее поэтическая натура подсказывала ей, что именно в тот момент он значил в ее жизни так много, как не будет значить уже никогда. Она и сама в то время пересекала своего рода мост от детства к взрослой жизни; она шагала по нему, строя собственное будущее и предвидя интересную и насыщенную жизнь. Ей хотелось, пока не кончилась их совместная с кузенком неделя, привести его в это особое место.

Джулия припарковала свою машинку на Ривервью-Драйв. Ее желание исполнилось – сейчас они с Робин покажут Тому их любимый старый мост и ее стихи.

Глава третья

Чуть раньше тем же вечером в Уэнтзвилле, что в сорока милях от Сент-Луиса, двадцатитрехлетний Марлин Грей сел за руль «Шевроле-Сайтейшн» своей девушки. Шести футов четырех дюймов ростом и весом больше 200 фунтов, он с трудом помещался на водительском сиденье маленького белого автомобиля. У него была гладкая темная кожа, большие глаза и ровные белые зубы. Аристократическую внешность дополняли массивная челюсть и рельефный подбородок. Грей был настоящим красавчиком.

Позади Грея сидел пятнадцатилетний Дэниел Уинфри, почти полная его противоположность. Уинфри был застенчивым щуплым пареньком – пять футов шесть дюймов и 120 фунтов – и еще продолжал расти. Светлокожий, с пепельными волосами до плеч и с прыщавым лицом подростка, он выглядел вполне симпатичным.

Уинфри с отцом, Дональдом Уинфри, переехали в дом на Линда-Лейн в Уэнтзвилле всего за три недели до того. Он учился в старшей школе Уэнтзвилла; успеваемость у него была ниже среднего, к тому же он любил прогуливать уроки. И дома, и в школе о нем отзывались как о воспитанном и вежливом юноше, но ему слишком быстро все надоедало – таких, как он, ничего не стоит убедить хотя бы раз попробовать что угодно.

Уинфри с Греем знали друг друга всего ничего – пару недель, не больше, – что не мешало им болтать и смеяться как старым друзьям. Возможно, интерес Уинфри к Грею объяснялся тем, что тот мог доставать спиртное и наркотики. Впрочем, Грей всегда легко сходилась с новыми людьми, и его внезапная дружба с Уинфри не стала исключением. Грей обладал всеми качествами лидера и был душой любой компании. Девушки смеялись над его шутками, парни просили у него совета.

Однако Дэниел Уинфри многого не знал о своем новом приятеле – того, что Грей тщательно скрывал ото всех, включая себя самого. В возрасте Уинфри Грей тоже был низкорослым и тщедушным, но научился компенсировать свои слабости хитростью и смекалкой. Благодаря этому Грей, младший из шести детей и всеобщий любимец семьи, отлично умел добиваться своих целей.

К восемнадцати годам у Грея в голове сложилось идеальное представление о себе. Если воображаемый образ расходился с реальностью, он просто подстраивал реальность под него, и этот постоянный обман давался ему с пугающей легкостью. Природа наградила его многими талантами: умом, красноречием, обаянием, веселым нравом и общительностью – словом, он был прирожденным актером, способным убеждать окружающих в том, что он и впрямь таков, каким хочет казаться. Его друзья верили, что Грей не просто состоит в военном резерве и по выходным ездит на сборы, а на самом деле служит в армии и проявляет чудеса героизма. Что он не доносчик, ради спасения собственной шкуры сдавший друга, а «оперативник отдела по борьбе с наркотиками, сотрудничающий с дружинами, которые патрулируют наиболее неблагополучные городские кварталы».

Грей встречался с Евой – красивой скромной девушкой с длинными каштановыми волосами и бледным лицом; высокой и стройной. Она была одной из самых ярых поклонниц Грея и заодно его спонсором – разносторонние интересы Грея не включали в себя необходимость зарабатывать деньги. Он тусовался с приятелями, раскатывал на машине Евы, пока та была на работе, или расслаблялся в доме друга, у которого они жили.

Вечером четвертого апреля Грей отвез Еву к ее подруге в Уэнтзвилл и сказал, что вернется через час-другой, только съездит по делам в пару мест. В действительности никаких срочных дел у Грея не было. Он собирался навестить кое-кого из друзей или просто погонять на машине в одиночестве. Он высадил Еву, заметил на улице Уинфри и позвал его с собой.

Погода стояла ясная, для начала апреля необычайно теплая; в такую погоду люди оставляют в шкафу зимние куртки и устремляются навстречу весне и приключениям. Грею и Уинфри надоела пресная жизнь в Уэнтзвилле, надоели их девушки и повседневная рутина. Им хотелось новых ощущений. Опустив в машине боковые стекла, они покатали куда глаза глядят. Когда Грей остановился на заправке, чтобы купить сигарет, Уинфри остался в машине. Он был еще слишком молод, чтобы покупать табак, и не хотел маячить у прилавка, вызывая подозрения. С тех пор как они с отцом переехали в город, Уинфри постоянно шатался с Греем по округе, но в машине ехал с ним в первый раз и старался не ударить в грязь лицом. От заправки они поехали на восток по шоссе I-70 к Нортвудсу – пригороду Сент-Луиса, где Грей собирался разыскать своего старого друга, Реджиналда Клемонса.

К дому Клемонса странная парочка подъехала около шести вечера. Клемонс с Греем сдружились несколько лет назад, когда жили в одном районе. Реджиналд был тихим и застенчивым девятнадцатилетним парнем. Среднего роста, с коротко стриженными черными, как уголь, волосами и опрятными усиками над верхней губой. Его внешность можно было описать словом «аккуратный». Да и его образ жизни, в общем, тоже.

Его родители, Вера и Рейнолдс Томас, были рукоположенными священниками христианской общины «Победившая жизнь», центр которой Клемонсы посещали каждую неделю, пока Реджиналд был маленьким. Мать вышла за его отчима, когда Клемонсу едва исполнилось шесть лет, и Рейнолдс принял ее детей как родных. Постоянное присутствие в жизни Реджиналда любящего, но строгого отца оказало на мальчика самое благотворное влияние.

За добро Клемонс платил добром и рос послушным и воспитанным ребенком. Его с детства манила всякая техника – он вечно разбирал какие-нибудь механизмы, чтобы узнать, как они устроены, и собирал их обратно, чтобы они продолжали работать. В девять лет он развинтил часы отчима, а потом просидел над ними всю ночь. Проснувшись утром, Рейнолдс нашел свои часы на тумбочке в идеальном состоянии.

Интерес к механике не угас в Реджиналде и после, и он мечтал открыть мастерскую по ремонту газонокосилок, малогабаритных двигателей и мотоциклов. В отсутствие стартового капитала и работы он, едва окончив техническую школу, начал брать на дом заказы на ремонт. В марте 1991-го у него появились собственные визитки: «Реджиналд Клемонс: ремонт малогабаритных двигателей».

Гарольд Уайтнер, владелец небольшой мастерской шиномонтажа в Пайн-Лоун, стал для Клемонса кем-то вроде наставника, поощряя инициативу младшего коллеги. Он видел в Реджиналде своего последователя.

Последователь.

Из всех определений, какие разные люди давали Реджиналду Клемонсу в годы его детства и юности, это, пожалуй, было самым точным и ключевым для понимания мотивов Клемонса и роли, которую ему предстояло сыграть в жестоком преступлении.

Клемонс относился к числу тех молодых людей, что легко принимают любую ситуацию, в которой оказываются. Его родители, добропорядочные христиане, установили для сына строгие правила, основанные на морали, и внушили ему твердые жизненные принципы. А что сам Клемонс? Он следовал этим правилам, принимал эту мораль и усваивал эти принципы. Рядом с хорошими людьми он рос хорошим человеком. Друзья и соседи справедливо называли его «славным» и «тихим». Он был славным потому, что его окружали славные люди, а тихим – от неуверенности в себе. Самоанализу и поискам себя он предпочитал подражание другим.

К несчастью, эта его черта, позволявшая ему впитывать чужую доброту, сделала его бесильным перед злом, с которым он столкнулся. Он приспособивался к тому, что происходило вокруг, – довольно частое явление. На этом свойстве человеческой природы играют продюсеры ситкомов, вставляя в свои фильмы закадровый смех. Люди смеются, когда слышат чужой смех.

На первый взгляд Клемонс казался самым «приличным» из собравшейся в тот вечер четверки парней – самым воспитанным, вежливым и благонаправленным. Но психологически он, пожалуй, был самым страшным из четверых. Он, что называется, ходил по краю. Он не мог не перенять всех тех мерзостей, какие составляли основу характера некоторых из его знакомых. Таких, как Антонио Ричардсон.

Шестнадцатилетний Антонио Ричардсон был двоюродным братом Клемонса. Про таких, как он, обычно говорят: «тяжелый случай». Несмотря на то, что они жили совсем рядом, детство у них было совершенно разное. Если Клемонс рос в атмосфере строгой заботы и постоянного внимания, то Ричардсон – в нищете и полном родительском пренебрежении.

Ричардсон родился в сентябре 1974 года. У его матери, восемнадцатилетней Гвендолин Уильямс, это был уже второй сын. Когда Ричардсону исполнилось полтора года, Гвендолин произвела на свет и третьего ребенка. К трудной роли матери-одиночки она оказалась совершенно не готова. Она так и не окончила школу и время от времени подрабатывала на полставки в местном фастфуде «Уайт Касл». Жили они в крохотной грязной квартирке на Эджвуд-авеню, которую оплачивал благотворительный фонд. Питались в основном тем, что удавалось приобрести на бесплатные талоны, а спали вчетвером на двух кроватях и диване. Нередко Гвендолин пропадала из дому на целые недели, бросая детей одних.

Ричардсон был сущим кошмаром для своих учителей, пока не бросил школу. Никто не мог заставить его учиться, а в 1987-м, когда ему было двенадцать, он вообще перестал посещать занятия. Учеба его не интересовала, он еле-еле умел читать, зато был сыт по горло попытками учителей хоть как-то призвать его к дисциплине. В тот день, когда кто-то из соседей позвонил в службу опеки, чтобы сообщить о жутких условиях, в которых жили Ричардсон с братьями, тот прогуливал школу уже целый месяц (примерно столько же в очередной раз отсутствовала дома его мать).

Ричардсона снова приняли в школу, но вскоре исключили за то, что он принес на урок игрушечный пистолет. На его учебу и поведение все махнули рукой. В тринадцать лет он впервые предстал перед судом по делам несовершеннолетних по обвинению в краже. Следующие два года жизнь Ричардсона текла по тому же руслу – он изредка появлялся в школе, постоянно влипал в неприятности и почти не видел дома мать. К пятнадцати годам у Ричардсона проявились серьезные проблемы с алкоголем и наркотиками. В 1990 году ему диагностировали алкогольную зависимость. Симптоматика – сонливость, спутанность мыслей, подавленность – свидетельствовала о начале алкогольной энцефалопатии.

Тогда же пятнадцатилетний Ричардсон окончательно бросил школу и записался в Трудовой корпус. Год спустя, к вечеру четвертого апреля 1991 года, будущее рисовалось Ричардсону таким же мрачным, как его прошлое, хотя сам он не очень над этим задумывался. Ему нравилось проводить время с Клемонсом; в обществе старшего и более уравновешенного кузена злость и буйный нрав Ричардсона как будто утихали. Да и сам дом Клемонса, хоть и соседствовавший с той тесной и грязной конурой, где он вырос, представлялся ему оазисом посреди пустыни, волшебным местом из иного мира.

В тот вечер Ричардсон и Клемонс валялись на полу гостиной перед телевизором, когда раздался дверной звонок. Оба кузена, как, впрочем, и все жители города, чувствовали наступление весенней лихорадки. Поэтому гостей они встретили с радостью. Прежде Грей никогда не встречался с Ричардсоном и взял на себя труд представиться самому и представить своего спутника.

Четверо парней быстро нашли общий язык. Место вожака группы сразу занял Грей. Он был самым разговорчивым, и остальные охотно подхватывали его реплики. Но, поскольку Клемонс был старше всех, он тоже внушал определенный авторитет – скорее в силу возраста и внешности, но не благодаря уверенности в себе или лидерским качествам. Роль лидера давалась ему с трудом – впрочем, если он ее и играл, то только в глазах двух младших приятелей.

Поэтому, когда Грей рассказывал свои невероятные истории и излагал безумные планы, двое младших, прежде чем кивнуть, ждали от Клемонса знаков одобрения. Эти двое быстро ладили и обменивались шуточками на тему девчонок и полной бесполезности школы – о чем еще говорить подросткам?

Именно Грей предложил переместиться куда-нибудь еще, избавившись от надзора родителей Клемонса; остальные его поддержали. Им удалось получить приглашение от друга Грея Майка и его жены Крисси, которые любили гостей, – у них в доме вечно толклось полно народу.

За порогом родного дома Клемонс расслабился: он вел себя по-прежнему спокойно, но выражался уже не так изящно, сдабривая речь словечками, которых никогда не произносил при родителях. Он даже на диване сидел по-другому – откинувшись на спинку и небрежно закинув на нее руку, другой придерживая между коленей бутылку пива.

Ребята пили пиво и смотрели хоккей. Уинфри поначалу сидел тихо и старался не влезать в разговор – возможно, потому, что был в компании самым младшим и мелким и к тому же единственным белым. Но новые друзья ему нравились, и вскоре не без помощи пива и марихуаны от его былой застенчивости не осталось и следа – он всю болтал и шутил со старшими приятелями, а с одним из них даже сыграл в дартс.

И только Ричардсон выглядел недовольным, и объяснялось это просто – он в отличие от остальных вообще не умел «вести себя прилично».

Большую часть того вечера четверка провела в уютном домике Майка и Крисси на Сан-Диего-Драйв. Грей плел свои небылицы и плел песни, которые сочинил сам или где-то услышал. Он танцевал, угощал остальных косячком и старательно их смешил. Ближе к одиннадцати хозяева дома немного устали и прозрачно намекнули ребятам, что пора бы и честь знать.

Грею не хотелось заканчивать вечеринку так рано – у него были другие планы. У них еще оставались запасы пива и травки, так что он предложил прогуляться до Старого моста Чейн-оф-Рокс. Двое младших глянули на Клемонса, и тот едва заметно кивнул. Веселье продолжилось.

Глава четвертая

Старый мост Чейн-оф-Рокс был введен в эксплуатацию в 1929 году. По нему проходила через Миссисипи легендарная трасса 66. Изначально мост находился в частной собственности, и за проезд по нему взималась плата в размере пяти центов, но позднее его выкупил муниципалитет города Мэдисона, штат Иллинойс. Выглядит старый мост необычно – при длине больше чем в милю, шириной он всего двадцать четыре фута, а посередине по неведомой причине изогнут на двадцать два градуса. В 1968 году состоялась церемония открытия Нового моста Чейн-оф-Рокс, построенного параллельно старому, но уже более современного, с высокими речными пролетами и свободным проездом. Мэрии Мэдисона оставалось только закрыть старый мост.

Несмотря на то, что Старый мост Чейн-оф-Рокс так и не удостоился никакого официального статуса, люди считали его городской достопримечательностью, и руководство Мэдисона так и не решилось его снести. Шли десятилетия, а старый мост все стоял, пересекая Миссисипи и покрываясь пылью. Каждые два-три года кто-нибудь из политиков предлагал или реставрировать мост, или снести его от греха подальше, но оба проекта тормозила их стоимость. Дороговизна сноса моста и привязанность к нему местных жителей сохранили его в неприкосновенности. К 1991 году мост, конструктивно еще достаточно прочный, внешне пришел в плачевное состояние и стал излюбленным местом подростков и граффитчиков с обоих берегов реки.

– Жду не дождусь, когда покажу тебе стихи! – возбужденно прошептала Джулия, опуская ключи от машины в карман куртки и подпрыгивая от нетерпения. В лунном свете глаза у нее сияли, ямочки на щеках из-за падающей на лицо тени казались еще глубже.

– А теперь, дамы и господа, – объявила Робин голосом телеведущей, – представляю вам широко признанную и невероятно талантливую поэтессу! Ту, чьи произведения были опубликованы в бесчисленном множестве литературных журналов и получили блестящую оценку критиков! Моя сестра, бесподобная ДЖУЛИЯ КЕРРИ! Прошу вас, пару слов, мисс Керри.

Джулия низко поклонилась.

– О, благодарю за такое дивное представление, дорогая, – манерно протянула она, обмахиваясь невидимым веером. – Должна сообщить своим поклонникам, что из всех моих прославленных творений именно то, которое вам предстоит лицезреть сегодня, является моим любимым, моим непревзойденным шедевром, моим *magnit opus*...

– А можно уже лицезреть опус? – прервал ее Том. – Давайте быстренько посмотрим и свалим отсюда, а то тут стремно. Как туда попасть-то?

Машин на дороге больше не было. В абсолютной тишине Том бросил взгляд на шеренгу деревьев. Река отсюда не просматривалась, но разлитая в воздухе влага подсказывала, что она недалеко.

– Ладно, – легко согласилась Джулия, которую ничуть не задело отсутствие восторга с его стороны. Она подбежала к сетчатому забору и быстро отыскала лазейку, через которую не единожды пробиралась прежде. Они пролезли в дыру, и Джулия повела их по узкой протоптанной тропинке через лес туда, где светились на фоне темного бетонного настила большие белые буквы ее стихотворения. Продираясь сквозь низкий подлесок, она повторяла его про себя, иногда шевеля губами.

Тропинка кончилась внезапно, и вместо земли ребята ощутили под ногами асфальт. Местами сколотый и потрескавшийся, он казался в лунном свете костями какого-то древнего гиганта. Старый мост Чейн-оф-Рокс был прямо перед ними. Том резко остановился, и шагавшая сзади Робин врезалась в него. Он пытался заставить себя двинуться дальше, но вид грозного и жуткого силуэта старого моста его будто парализовал. Гигантская стальная конструкция

была усеяна палой листвой; густой подлесок у основания опор словно силился оградить мост от незваных гостей. С балок и переборок огромного металлического скелета свисали длинные плющи, в темноте ночи зловеще качавшиеся на ветру.

– Что такое? Только не говори, что испугался, – хмыкнула Джулия.

– Нет, конечно. Я соберу в кулак все свое мужество. Идем, – ответил Том.

Под плеск Миссисипи троица направилась к мосту. Река мелодично шумела, и Том немного расслабился и даже начал получать удовольствие от прогулки и разговора. Сестры беззаботно смеялись и шутили; ребята шли и радовались жизни, передавая друг другу зажженную сигарету.

Менее чем в миле от них Грей, Клемонс, Ричардсон и Уинфри уже подходили к другому концу моста, в стороне Иллинойса. Они шли, периодически останавливаясь, чтобы рассмотреть очередное граффити. Грей, возбужденный больше других, напоминал большого ребенка: если он считал весь Сент-Луис своей игровой площадкой, то здесь располагался его любимый аттракцион. Они почти пересекли мост, когда заметили на берегу костер, и только тогда осознали, как далеко забрались. Кто-то из них предложил возвращаться, и вся компания развернулась и направилась назад, к Миссури, навстречу Джулии, Робин и Тому.

Четвертого апреля 1991 года за пару минут до полуночи на Старом мосту Чейн-оф-Рокс зазвучало эхо шагов. Робин шла в коротких черных сапожках; справа от нее в таких же коротких сапожках шагала ее сестра Джулия, слева – их кузен Том в стоптанных кроссовках «Найк». Следующие несколько минут тишину нарушали лишь звук их шагов да низкий гул машин, проезжавших по хорошо освещенному параллельному мосту в полумиле севернее. Джулия предупредила Тома, что на бывшей проезжей части моста есть открытые люки, и тот снова занервничал.

– Мы же не хотим, чтобы ты провалился, – пошутила Джулия, получив в ответ от Тома вымученное подобие улыбки.

Том внимательно смотрел себе под ноги перед каждым осторожным шагом, чертыхаясь вполголоса и жалуясь на отсутствие фонарика. Джулия с Робин, привыкшие гулять по мосту, шли гораздо увереннее и спокойнее, выискивая глазами новые интересные граффити.

Для Джулии этот мост был чем-то вроде эклектичного собрания философских изречений и чуть ли не практическим руководством к жизни. Самым ценным она считала то, что каждый человек мог дописать в этот постоянно обновляемый свод коллективной мудрости что-то свое. Здесь многому можно было поучиться, и Джулия невероятно гордилась тем, что добавила к этому собранию сочинений свое стихотворение. Она только примерно помнила, где его написала, поэтому все трое сбавили шаг и шли вперед медленно, чтобы его не пропустить. Они достали зажигалки и, низко наклонившись, изучали в свете дрожащих от речного бриза огоньков поверхность асфальта. Том еще раз пожалел, что не взял из дома фонарик. Они искали стихи Джулии среди напользающих одно на другое граффити. Том с Джулией передвигались крошечными шажками – одна рука на колене, в другой зажата зажигалка. Робин и вовсе опустилась на четвереньки и ползла рядом с ними, замороженно разглядывая диковинные надписи и рисунки.

Первой стихотворение обнаружила Джулия – благодаря символу мира, каким всегда подписывала свои работы: освещенный язычками пламени, белый пацифик сиял, словно посылал им улыбку. Она улыбнулась в темноте, ткнула Тома локтем и потянула его за рукав. Робин вскочила на ноги и присоединилась к ним, закурив на радостях еще одну сигарету. Троица в благоговейном молчании двигалась вдоль белых строчек, разбирая слова в свете звезд и трех зажигалок.

Стихи были написаны под влиянием Спайка Ли и говорили об общности человеческой природы, призывали к взаимопониманию и необходимости покончить с расизмом. Джулия и Робин адресовали этот призыв своим равнодушным и подчас невежественным ровесникам. Дочитав до конца, Том ощутил ком в горле. Джулия заметила, что ее стихи тронули брата, издала победный возглас и закружилась на месте, раскинув руки, как будто пыталась обнять весь мир. Она сознавала, что с точки зрения литературной формы это не лучшее ее стихотворение, зато оно точно выражало ее мировоззрение. Простота и доступность содержания входили составной частью в его красоту: всякий читатель понял бы его смысл. Она видела, что Том по-настоящему оценил стихи, и почувствовала себя окрыленной.

Троица стояла рядом на мосту, под ногами – строки стихотворения Джулии, над головами – чистое ночное небо Сент-Луиса. Джулия испытала прилив поэтического вдохновения и мечтательно заговорила о том, что этот мост связывает между собой не только два участка суши, но еще и землю, воду и небеса и что на свете нет лучше места для умиротворенного созерцания. Над Иллинойсом низко висела оранжево-красная половинка луны – по мнению Тома, осенней. Странно, что в это время года полумесяц такой оранжевый и висит так низко.

Робин первой услышала приближающиеся голоса и шикнула на сестру и кузена. Они замолчали и инстинктивно отступили в тень одной из опор моста. Джулия и Робин еще ни разу здесь не попадались. Строго говоря, они совершили незаконное проникновение на закрытую территорию, а ночевать за решеткой никому из них не хотелось. Том на мгновение представил себе, что будет, когда родители узнают об их ночной вылазке. Через секунду в их поле зрения появились Уинфри и Ричардсон, а следом – Клемонс и Грей. При виде четырех незнакомцев все трое почувствовали облегчение, но остались в тени опоры. Эти четверо явно были не из полиции – такие же молодые ребята, как и они сами, вышли подышать свежим ночным воздухом. Когда они почти поравнялись, самый высокий из четверых, Грей, протянул Джулии руку для приветствия и улыбнулся.

Они быстро познакомились; Грей представился Марлином из Уэнтзвилла и спросил троицу, откуда они. Том ответил: «Из Мэриленда», сестры сказали: «Норт-Каунти». Грей порекомендовал троице прогуляться дальше до середины моста, а Ричардсон добавил, что там шикарные граффити, а кто-то даже нарисовал очень реалистичного дракона. Робин, наострившая уши, едва речь зашла о граффити, воодушевленно кивнула сестре. Уинфри с Ричардсоном стрельнули у девушек по сигарете; Грей поинтересовался, бывали ли те под мостом, и, получив в ответ лишь недоуменные взгляды, пояснил, что через люки на мосту можно попасть на нижний настил.

– Хотите потусить с нами внизу? – улыбнулся Грей. – Там реально клево. – Он повернулся к Тому и, многозначительно подмигнув, добавил: – Можешь спуститься туда со своими девчонками, будете там совсем одни, полюбуетесь на реку. Шикарно проведете время.

– Да нет, что-то не хочется, – ответила за остальных Джулия. – Но спасибо.

Грей пожал плечами. Том с сестрами вели себя вполне дружелюбно, да и с чего бы им вести себя иначе. Но они явно не горели желанием провести остаток вечера с четверьмя незнакомцами и, очевидно, не разделяли представления Грея о шикарном времяпрепровождении. Грей понял, что не произвел на ребят особого впечатления и предпринял последнюю попытку вызвать их интерес. Одним стремительным прыжком он перемахнул через ограждения и приземлился внизу на бетонном быке моста. Джулия с Робин бросились к поручням, наклонились и увидели целого и невредимого Грея. Тот помахал им рукой и скрылся под решеткой, но тут же показался из открытого на мосту люка Клемонс повторил выходку Грея, нырнув за поручни моста и через пару секунд высунувшись из люка, как кротик в детской компьютерной игре.

Джулия и Робин не сдержали смеха, но скорее от облегчения, а Том лишь молча закатил глаза. Они еще с минуту поболтали, после чего четверо парней решили, что им пора, и обе

группы мирно простились, пожав друг другу руки. Напоследок Ричардсон бросил через плечо, что потерял где-то тут фонарик и если ребята его найдут, то пусть дадут ему знать.

Когда четверка отделилась на достаточное расстояние, Робин не без ехидства заметила, что фонарик он, скорее всего, потерял, пока прыгал по переборкам моста как сумасшедший. Все трое посмеялись, а Том добавил: «Если они считают, что я полезу туда его искать, они сильно ошибаются». Никто из них не задумался над тем, каким образом, по мнению Ричардсона, они могли бы вернуть ему фонарик. Возможно, они и не рассчитывали его найти, а возможно, просто не придали этой детали значения.

Четверо парней пошли в сторону Миссури, а сестры Керри и их кузен двинулись в обратном направлении. На конце моста четверо замедлили шаг.

– Может, вернемся и грабанем их? – понизив голос, предложил в темноте один из четверки.

– Давайте, – кивнул Грей, улыбаясь и потирая руки. – Не терпится вмазать кому-нибудь.

Вот так просто. Четыре жизненных пути сошлись в тот вечер в одной точке, сплетясь в темной сырости речного воздуха четырьмя кивками. Пути назад не было. Решение, которое в одно мгновение вместе приняли эти четверо – сын священника, хулиган, любитель розыгрышей и почти мальчишка, раз и навсегда изменило их жизни и жизни многих других людей. Они приступили к его исполнению, совершенно не думая о том, какими страшными последствиями оно обернется.

Грей пошарил рукой в кармане, вытащил горсть презервативов, выдал по одному Клемонсу и Ричардсону, а третий протянул переминающемуся с ноги на ногу пятнадцатилетнему Уинфри. Тот робко потряс головой. Да, он согласился принять участие в ограблении, может даже, немного подраться, но на большее ему не хватало адреналина. Грея подобный расклад не устраивал, и он буквально всучил Уинфри презерватив, смерив его не терпящим возражений взглядом. Уинфри нерешительно сунул его в карман, сделал глубокий вдох и вслед за приятелями побрел обратно на мост.

* * *

Пятнадцать-двадцать минут спустя Джулия, Робин и Том подошли к дальнему концу моста. Лишь заметив костер на другом берегу реки, они осознали, как далеко забрались. Встали возле перил и молча смотрели на костер и речную воду. Восточная оконечность моста, выходящая в Иллинойс, была уже совсем рядом – темный выступ, заросший растительностью так же густо, как и западный. Оба входа на старый мост, восточный и западный, напоминали готические подпорки для книг, украшенные по-разному, но одинаково неприветливые.

Том обрадовался, когда они остановились, – ему не хотелось выходить на темный противоположный берег. Он смотрел на пляску огня в костре и силуэты людей вокруг. Несколько минут они просто стояли, впитывая красоту ночного пейзажа.

На мосту царил умиротворенная тишина. Троица молча наслаждалась доносившимся снизу гулом Миссисипи, и, снова услышав приближавшиеся шаги и голоса, они встрепенулись, оглянулись на запад, в сторону Миссури, и с волнением стали ждать появления тех, кому принадлежали голоса. Настил старого моста тонул в тумане, но каком-то необычном; в безоблачном небе ярко сверкали звезды. Туман был каким-то зловещим – он поднимался с реки, лип к лодыжкам и полз выше, мешая обзору. Робин обеспокоенно глянула на Джулию, ища у старшей сестры поддержки.

– Вот теперь мы влипли, – прошептала Робин, сжимая руку сестры, – это уж точно копы.

Джулия вместо ответа вынула из пальцев Тома зажженную сигарету и сделала глубокую затяжку. Мысленно она уже репетировала речь в духе «мы правда не знали, что сюда нельзя»,

сопровождаемую наивным хлопаньем ресницами. Впрочем, ей никогда не удавалось в аналогичной ситуации никого умаслить, но она надеялась как-нибудь выкрутиться.

Когда из ночного тумана возникли лица Грея и троих его приятелей, они облегченно вздохнули. Тома начала немного успокаивать эта череда оказывавшихся беспочвенными волнений.

– Это те самые четверо парней. Господи, Робин, нельзя так пугать! – сказала Джулия, легонько шлепнув сестру по руке.

Робин хихикнула, и все трое расслабились. Четверка приближалась. Антонио Ричардсон подбежал к перилам, наклонился и прокричал что-то, приветствуя людей внизу. Те крикнули в ответ и пригласили ребят к костру. Том, Робин и Джулия поняли, что их тоже приглашают, но чувствовали себя посторонними.

– Мы спускаемся! – крикнул Ричардсон. – Лишние спальники найдутся?

Один из сидящих у костра показал большой палец. Ричардсон хохотнул и вернулся к товарищам.

Том, Робин и Джулия направились на запад, к ожидающему их на берегу Миссури «шершню». Четверка новых знакомых шла за ними, непринужденно болтая. Никто из них не объяснил, почему они все еще на мосту и не ушли полчаса назад, как собирались. Но сестры с братом уже не переживали – все же за тот вечер пока еще не случилось ничего неприятного или даже просто необычного.

Ребята подошли к резкому изгибу посередине старого моста, и Джулия снова занервничала – она внезапно осознала, что вокруг никого нет, а четверо парней сзади как-то притихли. Она достала из пачки «Мальборо-лайт» сигарету и закурила, осветив на мгновение свое лицо зажигалкой. Клемонс с Уинфри незаметно обогнали своих приятелей; Грей с Ричардсоном держались чуть позади.

Прикрывая руками огонь зажигалки, а заодно и рот, Джулия шепнула шагавшему рядом кузену: «Том, мне это не нравится. Кажется, эти парни нас преследуют или что-то типа того».

Робин шла впереди и чуть левее, сунув руки глубоко в карманы старого коричневого блейзера, и пыталась разглядеть в темноте граффити на настиле. Том, стараясь не поддаваться панике, начал лихорадочно соображать. Других автомобилей, припаркованных рядом с «шершнем» на Ривервью-Драйв, он не помнил. Возможно, их преследователи собирались угнать их машину.

– Что будем делать? – прошептала Джулия.

Том понятия не имел. Вероятность того, что им удастся убежать, была невелика. Он покачал головой.

– Не знаю, – ответил он. – Пока просто иди дальше и не расслабляйся.

Джулия, подумав, что лучше не разделяться, тихонько подозвала Робин и шепнула что-то ей на ухо. Та глянула на сестру расширившимися от страха глазами, но молча кивнула. Шедший в паре метров позади них Грей заметил эти торопливые переговоры и решил, что пора действовать.

Несмотря на растущее чувство страха, ребята не смогли подготовиться к внезапному нападению. На плечо Тома тяжело опустилась рука, и тот же голос, при звуках которого еще совсем недавно они испытали облегчение, зловеще произнес: «Иди сюда. Надо поговорить».

Том невольно развернулся и в шести дюймах над собой увидел насмешливую улыбку Грея. Тот потянул его за руку, подальше от сестер, и Том понял, что с ними беда.

Джулию застали врасплох, напав сзади; сигарета вылетела у нее из пальцев, описав в воздухе дугу и прочертив след из багровых искр. Они с Робин вырывались и кричали, но их оттаскивали от Тома. Робин попыталась наугад лягнуть нападавшего, но промахнулась. Мир для Тома внезапно накренился, и в следующее мгновение он обнаружил себя лежащим на асфальте, щекой к настилу моста, прижатый стоящей на его шее ногой.

– Не повезло тебе сегодня, чувачок, – услышал он, но кто это сказал, не видел. – Ты влип. Ты реально влип.

Нападавший приказал Тому не дергаться и добавил, что пристрелит его, если он попытается повернуть голову. Том открыл рот, но из груди не вырвалось ни звука. Он лежал, не двигаясь, сердце у него бешено колотилось где-то у горла. В следующий миг он почувствовал, что ногу с его шеи медленно убрали, и задышал глубже, стараясь не шевелиться.

К первому голосу присоединился второй. Том слышал удалявшиеся крики Джулии и Робин: «Отпусти меня!» и «Что ты делаешь, мне же больно!» Внезапно Тома настигло осознание ужаса происходящего с его сестрами. Он вскинул голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как одна из темных фигур валит Джулию на настил. Тут же нога Грея вновь оказалась у него на шее.

– Пристрелю, ублюдок! – пригрозил он, прижимая Тома лицом к асфальту. – Клянусь, еще раз шевельнешь башкой, и я тебя пристрелю, жирдяй.

Через пару минут Том вновь почувствовал, что нога исчезла с его шеи, и расслабил мышцы. Он не двигаясь лежал на настиле старого моста у ног бугая Грея и отчаянно пытался собраться с мыслями. «*Не психуй, а думай*», – внушал он себе. Он всегда считал, что помочь человеку выжить в критической ситуации может лишь спокойная и трезвая рассудительность, но теперь понял, что он на нее попросту не способен. Он вообще не мог думать и едва осознавал реальность происходящего, и лишь впивавшаяся в щеку щебенка грубого покрытия мешала поверить, что весь этот кошмар ему снится.

Над Томом, сменив Грея, встал другой парень, а Грей направился к девушкам. Слыша, как кричит, вырываясь, Джулия, Том заплакал. Робин подозрительно затихла.

– Жить хочешь? – Один из нападавших навис над Джулией. – Тогда снимай штаны, не то сброшу с моста. Считаю до трех. Один. Два. Три.

Том услышал всхлипы сестры, и у него затряслись плечи. Его «тюремщик» наклонился над ним так низко, что Том уловил его жаркое дыхание. В лицо ему полетели брызги слюны, когда тот произнес:

– Я еще никого не мочил. Прикольно, наверно.

Том пытался сосредоточиться на шуме воды в реке и машин, проезжающих по соседнему мосту – на чем угодно, кроме приглушенных звуков истязания его сестры. Охранник Тома в очередной раз сменился; на сей раз пост занял Уинфри, единственный в компании белый. Он уселся у Тома на спине и спросил, есть ли у него с собой деньги. Том ответил, что есть, и Уинфри приказал ему медленно вывернуть карманы. Том аккуратно вытащил из одного кармана нейлоновой куртки деньги, их было немного, а из другого – ключи от дедушкиного дома. Уинфри приказал Тому положить все это на асфальт перед собой, и тот подчинился. Уинфри, поерзав на спине Тома, почувствовал в заднем кармане его джинсов что-то объемистое, решил, что это бумажник и достал его сам, но открыв, не на шутку переполошился:

– Слышь, это чо, на хрен, за бляха?

– Я пожарный, – максимально спокойно ответил Том. – Просто пожарный. Я не коп.

Уинфри это объяснение, кажется, успокоило. Он вытащил бляху из бумажника, повертел в руках, рассматривая в свете луны, а затем спрятал себе в карман. Туда же отправилось водительское удостоверение Тома вместе с несколькими фотографиями, после чего Уинфри вернул пустой бумажник в задний карман джинсов Тома. Уинфри явно нравилось играть роль тюремщика – он прямо-таки наслаждался страхом, который внушал своей жертве.

– Знаешь, – задумчиво произнес он, вставая со спины Тома и потягиваясь, – хорошо, что мои друзья не пидоры. А то бы и тебя отодрали.

И засмеялся, будто ожидал, что Том порадуется шутке и засмеется вместе с ним.

Том крепко сжал челюсти и кулаки, но промолчал. Он не собирался поддаваться на провокации негодяя. У него резко скрутило живот, к горлу подступила желчь. Он испугался, что

его сейчас вырвет – прямо так, лежа щекой на асфальте, с ногой Уинфри на спине. Мысль о пистолете помешала ему шевельнуться.

Несколько минут спустя он услышал голоса. Они доносились издалека, но звучали достаточно отчетливо, чтобы он понял: парни обсуждают, кого убить первым. Затем он услышал шаги – к нему подошел Клемонс и без всякого предупреждения с силой пнул по ребрам. Стоявший рядом Уинфри, видя, как Том корчится и шипит от боли, заржал.

Клемонс, воодушевленный благодарной аудиторией, воскликнул: «Да брось, разве это больно?» – и ударил Тома еще раз, сильнее. После четырех или пяти ударов Том уже не двигался. Он знал, что его мучения несравнимы с тем, через что только что прошли Джулия и Робин. Клемонс, обозленный отсутствием реакции со стороны жертвы, опустил ногу на затылок Тома, впечатывая его лицом в асфальт.

– Я оттрахал твою девчонку, – сообщил он, переходя к более изощренной пытке. – Что скажешь?

Он понимал, что бьет в самое уязвимое место, и не просчитался. У Тома снова сжался желудок, будто сдавленный железной рукой. Но он не собирался доставлять Клемонсу ожидаемое удовольствие.

– Они мои двоюродные сестры, – стоически ответил он, не стыдясь катящихся по лицу слез.

– Ах, сестры... – с усмешкой протянул Клемонс. Убрал ногу с головы Тома, пнул его еще раз и приказал: – Вставай.

Они с Уинфри подняли Тома на ноги и, согнутого пополам, повели туда, где он в последний раз видел сестер. Он уже некоторое время не слышал их голосов и приготовился к худшему. Двое парней оттащили его футов на пятьдесят в сторону Миссури и резко остановились. Том стоял, перегнув спину почти под прямым углом, и видел перед собой один из открытых люков. Начерченные на настиле классики на месте последнего поля заканчивались зияющей черной дырой. После всего случившегося вид этой детской игры, такой здесь несурзадной, наполнил сердце Тома ужасом. И никаких признаков Джулии и Робин.

Один из парней пнул Тома в голень и спросил, что на нем за обувь.

– «Найк Эйр».

– Какой размер?

– Десять с половиной.

– Ну все, хана тебе, богатенький жирдяй.

В ту же секунду кто-то схватил Тома за воротник, натянул куртку ему на голову и повалил на настил моста. Он затрясся всем телом в ожидании смертоносного выстрела, но никто не стрелял. На его прикрытый курткой затылок опустилась чья-то рука.

– А знаешь что? – услышал он голос. – Ты мне нравишься. Я тебя не убью. Да, пожалуй, я не стану тебя убивать.

За бешеным стуком собственного сердца и грохотом молотков в висках Том едва различал слова, но все же уловил еще один голос. Нападавшие спорили. Первый требовал убить Тома, второй отвечал, что уже пообещал оставить богатенького в живых. Том подумал о восемнадцати долларах, которые забрал у него Уинфри, и удивился: о каком «богатеньком» они говорят.

Спорщики все не утихали. Уинфри наклонился чуть ли не к самому уху Тома и спросил:

– А что, в Вашингтоне такое бывает?

Его голос звучал почти дружелюбно. Том готов был поклясться, что парень над ним не издевается, а на самом деле пытается просто с ним поболтать. Парень, который только что помогал насилловать его сестер, ограбил его и собирался принять участие в его убийстве, хотел с ним по-дружески поболтать.

– Со мной не бывало, – ответил Том. Ничего лучше ему в голову не пришло.

– Это со мной не бывало, – передразнил его Уинфри. – Но ты сейчас в Сент-Луисе. Добро пожаловать! – И захихикал.

Спор о том, сохранять ли Тому жизнь, все продолжался, но он в него уже не вслушивался. Потом вдруг наступила тишина, оглушительная и еще более страшная, чем обсуждение его убийства. Его схватили за плечо, подтащили к люку с дурацкими классиками и усадили на край, заставив спустить вниз ноги. Из-за натянутой на голову куртки Том почти ничего не видел. Один из нападавших приказал ему лезть на нижний настил. Кое-как спустившись, Том с трудом разглядел в темноте под люком дрожащие фигурки Джулии и Робин. Они лежали рядом, обе без одежды. К глазам Тома подступили слезы облегчения, а в горле встал здоровенный пульсирующий ком, мешавший дышать. Чей-то голос приказал Тому лечь рядом с ними, и тот повиновался, радуясь, что нашел сестер.

Света едва хватало, чтобы Том понял, что Джулия, как и Робин, лежит на спине, справа от нее; глаза у обеих были закрыты. Джулия тихо, почти неслышно бормотала что-то нараспев, словно пела Робин колыбельную.

– Скоро все кончится, – повторяла она. – Все будет хорошо.

Между тем в нескольких футах над ними четверка обсуждала, что им дальше делать со своими жертвами. Но те, в оцепенении от пережитого, к ним не прислушивались, слишком измученные, чтобы насторожиться. Том перевернулся на живот, и правой рукой коснулся правого бока Робин. Она дрожала всем своим хрупким телом, наполняя Тома бессильной злобой.

– Не бойся, Робин, скоро все кончится, – твердила Джулия. – Все будет в порядке.

Ее слова предназначались Робин, но Тому стало от них чуть теплее. Три-четыре минуты спустя голоса над ними стихли и из люка на настил с глухим стуком спрыгнули Клемонс и Ричардсон.

– Подъем! – скомандовал один из них.

Том и Джулия медленно поднялись на ноги. Робин, намертво скованная страхом и отвращением, даже не шелохнулась. Парни стояли в тени в паре футов от ребят.

– Давай, двигай. Вон туда, – приказал Клемонс, указывая на бетонный выступ.

Робин его как будто не слышала. Она пребывала в отключке, словно ее разум отказывался признавать, что творят с ее телом.

Том выбрался на выступ. Происходящее с трудом доходило до его сознания. Он смотрел на бегущую внизу буроватую, поблескивающую в лунном свете воду; мысли в голове будто опухли и еле ворочались. Ему показалось, что там не очень высоко – пожалуй, есть шанс остаться в живых. Впервые за все время, что длился этот кошмар, Том поверил, что, может быть, он действительно скоро кончится. Двое парней орали на Робин, чтобы заставить ее встать, и Том повернулся, готовый помочь сестре пережить последние жуткие минуты нападения. Но двигался он медленно, будто в страшном сне, когда пытаешься закричать, но не можешь, хочешь убежать, но ноги тебя не слушаются.

Он успел увидеть, как Клемонс схватил Робин и швырнул ее тельце на выступ рядом с сестрой. Она казалась такой маленькой, почти невесомой. С трудом поднявшись на ноги, она пошатнулась и сделала шагок в сторону Тома. Ни одежды, ни обуви на ней не было, но она, кажется, этого не замечала. Ухватившись обеими руками за локоть брата, она прижалась к нему, ища посреди творящегося ужаса хоть немного тепла и поддержки.

Он обнял ее в ответ, чтобы согреть своим телом. Она печально смотрела в холодном свете апрельской луны на свои босые ноги, такие крошечные на фоне шершавого бетона. Они были в порезах и ссадинах, но по сравнению с тем, что ей пришлось пережить, это казалось пустяком.

Позади нее стояла Джулия, на которой из одежды осталась лишь зеленая в клетку фланелевая рубашка. Тома поразило, насколько она изменилась – за несколько часов, миновавших после их семейного ужина, она будто постарела на десятки лет. Джулия инстинктивно прижалась к сестре, пытаясь ее защитить и утешить.

Три жертвы застыли в ряд на бетонном выступе, беспомощно ожидая приговора от своих палачей. Том стоял с краю, Джулия – ближе к настилу, Робин – между ними. Клемонс держался в тени, а Ричардсон, желая обозначить свое присутствие, ступил на выступ, крепко ухватившись за один из металлических стержней мостовой балки.

Сестры и брат прижимались друг к другу и тихонько перешептывались. Это нельзя было даже назвать разговором – они просто обменивались еле слышными междометиями, стремясь успокоить друг друга. Ричардсон рявкнул, чтобы они расцепились и смотрели вперед. Робин, выпуская правую руку Джулии и левую – Тома, сжалась от отчаяния.

– А ну разошлись! – добавил Ричардсон.

Трое отодвинулись друг от друга. И тут-то все и случилось.

Никакие жестокости последнего часа не смогли подготовить их к тому, что произошло. Ужас, застывший на лице Джулии, которую столкнули с выступа, не поддавался описанию. Робин не издала ни звука, наблюдая за падением сестры. Том сдавленно ахнул и повернулся к Ричардсону, который с силой пихнул Робин в спину, и та с криком отправилась вслед за сестрой в илистую воду под мостом.

Том замер с открытым ртом и в полной тишине смотрел на ухмылявшегося Ричардсона. Оглушенный, охваченный ужасом, окаменевший, он вглядывался в его беспощадное лицо, в холодные безжалостные глаза.

– Прыгай, или... – еще шире ухмыльнулся Ричардсон.

Помня о пистолете, Том не стал ждать продолжения. Не тратя и доли секунды, молча и даже не дыша, он шагнул в пустоту. Он падал и ждал пули в затылок.

Глава пятая

Миссисипи – четвертая по протяженности река в мире. Ее бассейн занимает примерно 41 процент континентальной территории США и двух провинций Канады; итого около миллиона с четвертью квадратных миль. Каждую секунду из нее в Мексиканский залив вливается примерно 2,3 миллиона кубических футов воды; за год поток выносит из реки около 159 тонн ила. Название Старому мосту Чейн-оф-Рокс в Сент-Луисе дали в честь цепи выступавших со дна реки огромных валунов, вокруг которых мутным вихрем закручивалась вода. Местные говорили, что когда-то давно коренные американцы в засуху пересекали реку, прыгая по камням, а в наши дни этот ее участок считается самым опасным на всей Миссисипи. В 1991 году все местные жители, включая Джулию и Робин Керри, прекрасно знали, что мост Чейн-оф-Рокс – излюбленное место самоубийц.

Житель Вашингтона Том Камминс, прыгая с бетонного выступа на северной стороне моста, об этом, естественно, не подозревал. Он падал достаточно долго, чтобы успеть подумать: *«Господи, как высоко!»* А через секунду: *«Твою мать, я все еще падаю!»*

В воду он ушел солдатиком и скоро ногами коснулся дна. Открыв глаза, увидел высоко над собой светящуюся бледно-зеленым гладь воды, до которой, казалось, было не меньше сотни миль. Он поплыл вверх, гребя руками и помогая себе ногами, пока не выбрался на поверхность. Вынырнув, он несколько секунд тяжело дышал, наполняя воздухом изголодавшиеся легкие.

Первым, что он увидел, барахтаясь в воде, была громада моста прямо у него над головой. Течение было гораздо более сильным, чем он предполагал: пытаясь сбросить куртку, Том обнаружил, что его успело отнести под мост и ему открылась его южная сторона. Мост поражал своими размерами, и осознание того, с какой высоты ему пришлось прыгать, одновременно ужаснуло и приободрило Тома. Знай он заранее, как высоко стоял, он бы в жизни не сделал тот шаг и, скорее всего, получил бы пулю в голову.

Убедившись, что он каким-то чудом жив, Том принялся оглядывать мутную воду в поисках сестер. Мимо него с пугающей скоростью проплывали ветки и целые бревна. В какой-то момент он вроде бы заметил Робин в паре футов левее, но их тут же разделило течением, и Том больше не видел ни Робин, ни, возможно, бревна, которое он за нее принял. Зато пару секунд спустя позади него и в десяти-пятнадцати футах правее в воде показалась Джулия. Он позвал ее, хлебнув заодно грязной воды; она услышала его голос и повернула к нему белое от ужаса лицо.

– Господи, где Робин? – прокричала она.

Том не мог ей ответить – он потихоньку проигрывал в неравном бою со слишком сильным течением. Мешали кроссовки, но, едва он попытался стащить их руками, как начал тонуть. Его охватил страх – наверное, он так и не переживет эту ночь. Том закричал и на пару футов с головой ушел под воду. Забыв про кроссовки, он всплыл на поверхность. Он дышал спокойнее, как будто несколько секунд паники дали ему эмоциональную разрядку. Теперь он словно оцепенел – посреди бушующей реки думалось плохо. Пришлось положиться на инстинкт, надеясь, что тот не даст ему утонуть.

Том примерно помнил местоположение Джулии и подсознательно надеялся, что Робин тоже где-то неподалеку, скрытая ветками и прочим мусором, сражающаяся, как и они, с течением. Он перевернулся на спину и отдался на волю потока, лишь слегка направляя курс неловкими движениями рук. Все силы уходили на то, чтобы просто оставаться на плаву; о том, чтобы выбраться на берег, он пока даже не помышлял. Вода постоянно заливалась ему в уши, но он все же слышал крик Джулии, и это придавало ему энергии.

– Надо плыть, плыть, плыть, плыть, плыть, плыть! – проревел он каким-то чужим, не своим голосом. Между собой и берегом со стороны Миссури, чуть дальше от того места, где,

как он думал, барахталась Джулия, он заметил водокачку, снабжавшую Сент-Луис водой. Он не знал, что это за сооружение, но оно выглядело массивным, крепким на вид и хорошо освещенным, а это означало безопасность.

– Плыви на огни, Джулия! Плыви, плыви, плыви, плыви, плыви!

– Том, я тону! – крикнула она, явно паникуя.

Том задрал голову как можно выше над водой и прокричал:

– Мы не тонем! Ты не тонешь! Мы доберемся до берега! Плыви, Джулия! Надо плыть!

И она поплыла. Когда поток приподнимал Тома над водой, он искал взглядом Джулию. Она гребла изо всех сил, борясь с мощным течением, уносившим обоих вниз по реке, и постепенно приближалась к Тому. Они не тратили силы на разговоры – вся энергия уходила на противостояние стихии. Оба лишь смутно представляли себе, где сейчас другой. В какой-то момент Том увидел ее совсем рядом – она приближалась с невероятной скоростью. По ее глазам он понял, что она полностью истощена. Джулия Керри не хотела умирать, но организм отказывался ее слушаться. Изможденное усталостью, шоком и болью, тело почти сдалось и не желало плыть дальше.

В последней героической попытке остаться на плаву она сделала рывок и буквально влетела в Тома, мертвой хваткой вцепившись своими тонкими руками ему в шею. В ту же секунду оба ушли под воду. Они стремительно тонули под весом своих намертво сцепленных и уставших двигаться тел. Каких-то пара мгновений, и вот над ними пять или шесть футов воды. Том задыхался – до того, как столкнуться с Джулией, он не успел набрать в легкие воздуха. Рефлекторно он чуть не открыл рот, но вовремя опомнился; он понимал, что тонет, но Джулия не отпускала его, от страха цепляясь за него своими слабыми руками.

Том просунул руки между локтями Джулии, сжимавшими ему шею, ухватил их снизу, одним резким движением вытолкнул ее наверх, к поверхности, и всплыл сам.

– Мы должны плыть, – прокричал он, перекрывая шум воды. – Плыви, Джулия!

И вновь она поплыла. Течение уже немного отнесло ее в сторону, но Том знал, что Джулия неподалеку, и старался не упускать ее из виду. Он снова перевернулся на спину. Она явно выбилась из сил, но продолжала грести. Ноги у Тома в промокших насквозь кроссовках отяжелели, в голове стоял туман, но он все время окликал Джулию, подбадривая ее; собственный голос он слышал словно со стороны. Его несло вниз по могучей реке, словно тряпичную куклу. Две или три минуты спустя, в очередной раз подняв голову и приглядевшись, он никого не увидел. Тут же снова накатила паника. Он барахтался в воде и звал ее по имени; его слезы смывала вода.

– Джулия! – кричал он. – На помощь! На помощь! Кто-нибудь, помогите!

Том отказывался верить, что сестры утонули. Он не хотел даже думать об этом. «*Нас просто разделило течением*, – убеждал он себя. – *Как же иначе?»* Он крутился в потоке, ища глазами Джулию. Том зарыдал в голос. Все его надежды погибли, словно тоже ушли на дно реки. Он перестал бороться с течением и лег на воду, поддавшись отчаянию.

– Я не могу, – громко произнес он и только сейчас осознал, насколько холодной была вода. Он дрожал всем своим побитым и измученным телом, дрожал от холода и от страха. – Я больше не могу! – снова крикнул он.

Он был готов сдаться. Течение несло его, утратившего последние силы и волю к борьбе, а в мозгу стали вспыхивать и гаснуть странные яркие картины, как будто перед ним прокручивали всю его жизнь. Вода заливала его запрокинутое лицо, он медленно погружался все ниже, а перед глазами мелькали кадры его прошлого. Вот ребята из его смены, весело перешучиваясь, ясным солнечным днем поливают из шлангов пожарные машины. Вот его семья сидит на заднем дворе вокруг барбекю, а их пес, Бларни, обнюхивает землю в надежде найти упавший кусочек. А вот Джулия с Джейми возятся на полу в гостиной, возле дивана, на котором разбросаны тетради и учебники. Себя в этих сценах Том не видел, и это придало ему сил. Он

любил жизнь, любил свою семью и своих друзей и не был готов умирать. Одним гребком он выбрался на поверхность – он не успел погрузиться слишком глубоко, и у него открылось второе дыхание. Он должен выжить.

Первым делом он внимательно огляделся. Он был ближе к берегу Миссури, хотя и до него, как ему казалось, много миль, и он стремительно отдалялся от моста. Он погреб обратно. Он плыл и плыл, периодически бросая взгляд на берег и с ужасом думая, что ему никогда до него не добраться. Порой его охватывало ощущение, что он вообще не продвигается вперед, а барахтается на месте. Потом ему начинало казаться, что берег даже отдаляется, и он падал духом. Но тут в мозгу снова вспыхивали картины его жизни, и он принимался грести еще упорнее, стремясь к своей цели.

Примерно через час после падения в реку он наконец выплыл к береговой линии, но тут его ждало новое испытание. Берег был в высоту не больше пяти-шести футов, зато поднимался практически вертикально. Тома захлестнуло отчаяние. У кромки собралась мутная каша из обломков древесины, через которую Тому пришлось продирааться, чтобы вступить в неравный бой с крутым берегом. Он хватался за корни деревьев и кустов, раз за разом, когда очередная импровизированная опора не выдерживала его веса, с плеском падая обратно в воду. Минут через двадцать, после нескольких неудачных попыток, он все же одолел скользкий подъем. Выбравшись наверх, он упал лицом в грязь и зарыдал – никогда еще он не чувствовал такого опустошения. Когда к нему вернулась способность мыслить, он вспомнил о Джулии и Робин.

«Надо позвать на помощь, – думал он, с содроганием глядя на крутой берег и мощное течение реки. – Надо срочно кого-нибудь привести».

Том с трудом поднялся с земли и побрел через лесополосу. Падая с моста, он сломал правое бедро, все его тело покрывали ссадины и синяки, но осознать это ему не давал адреналин. Кроме того, выбравшись на сушу, он вообще перестал обращать внимание на свои ощущения – он даже не испытывал боли. Он шел напролом через густой лес, стараясь держаться перпендикулярно реке и надеясь выйти на дорогу. Глаза уже адаптировались к темноте, но обессилевшие руки тряпками висели по бокам, и Том даже не пытался защитить ими мокрое грязное лицо от острых веток.

Через сотню ярдов он вышел из леса к полю. Невдалеке виднелись какие-то склады и небольшой пруд. Обогнув его, он обнаружил железнодорожный путь, с одной стороны забраный решеткой. Двигаясь вдоль пути, он через несколько минут выбрался на Ривервью-Драйв, возле входа в гидроузел Сент-Луиса. На шоссе горели фонари, но ни людей, ни машин не было. Том ходил туда-сюда в надежде на помощь. Мимо него проехало, не останавливаясь, две-три машины: очевидно, водители испугались грязного оборванца, который подпрыгивал на месте и отчаянно махал им руками. Завидев на дороге тягач с прицепом, Том вышел на проезжую часть, закрыл глаза и поднял руки над головой. Водитель фуры затормозил, озадаченно моргая при виде освещенного фарами чумазого парня. Том подбежал к водительской двери и задрал голову к сидящему за рулем мужчине. Слова и мысли путались, и он вдруг понял, что не знает, как объяснить этому человеку, что случилось.

– Нам нужна помощь, – наконец сказал он измученным голосом. – Моих сестер изнасиловали, нас сбросили с моста. Пожалуйста, им нужна помощь. Помогите!

Мужчина ошарашенно уставился на него и даже приоткрыл рот – то ли от удивления, то ли от недоверия.

– Ладно, стой здесь, я вызову полицию, – произнес он.

Том поблагодарил водителя, проковылял к обочине и стал ждать. Вскоре задние огни фуры скрылись из виду. Стоя у дороги в лунном свете, один, в полной тишине, Том вдруг сообразил, что он на Ривервью-Драйв, точнее, на обочине Ривервью-Драйв, вблизи которой те четверо парней, скорее всего, припарковали свою машину, а значит, представляет собой идеальную мишень. Они в любую минуту могли проехать мимо, убедиться, что не довели дело

до конца, и пристрелить его, как и обещали. Ему вообще повезло, что он не попал на них, когда пытался остановить машину. Тому стало страшно; судорожно дыша, он отступил в тень и стал наблюдать за дорогой, сжимаясь от ужаса каждый раз, когда мимо, светя фарами, проезжал автомобиль. Он нервно озирался по сторонам в поисках более надежного укрытия. Обочина поросла высокой травой, сейчас влажной от росы, но промокшему до нитки Тому было уже все равно. Он устроился в травяных зарослях, прямо под висющим на ограждении стоп-знаком. Здесь, в тени ограды и в паре ярдов от освещенного фонарями шоссе, он чувствовал себя безопаснее.

Шли минуты, проезжали редкие машины, и уже Том начал беспокоиться, что дальнбойщик проигнорировал его просьбу. Возможно, он и не думал вызывать полицию, а покатил себе дальше в Талсу, или в Альбукерке, или куда там он направлялся... Том решил подождать следующего грузовика и, завидев его, выскочил из своего укрытия на дорогу. Он повторил свою невероятную историю еще одному удивленному дальнбойщику, и тот предложил подбросить его до ближайшего таксофона. Том ответил, что лучше дождется полицию здесь. Водитель пообещал позвонить из первой же телефонной будки. Том поблагодарил его, вернулся к ограждению, нашел примятое место в траве и вновь затаился там.

Убедившись, что Робин, Джулия и Том прыгнули в реку и, вероятно, погибли, Ричардсон вернулся к стоявшему у него за спиной Клемонсу, и оба выбрались через люк на верхний настил моста, где остались Грей и Уинфри.

– Они трупы. Я хорошо им напощал, – радостно сообщил Ричардсон и повернулся к Грею, ища одобрения у старшего товарища. Тот улыбнулся, кивнул и похлопал Ричардсона по спине, словно новичка, успешно прошедшего обряд посвящения.

– Молодец, Тони, горжусь тобой, – сказал Грей довольному Ричардсону. – Ладно, сваливаем.

Грей предложил съездить в Олтон, что в Илинойсе, забраться на гигантский валун, который местные звали Стулом, посидеть там и полюбоваться на реку. У них еще оставался последний косячок, да и погода стояла приятная, хоть и прохладная. На Еву, которую он еще несколько часов назад обещал отвезти домой, Грей уже плюнул. К тому же он догадывался, какой скандал ждет его дома, и не горел желанием туда возвращаться.

Трое из четверых приятелей пустились в обсуждение ближайших планов, а вот Уинфри занервничал. На самом деле он до самого конца не верил, что его новые друзья действительно убьют тех ребят. Да, он участвовал в изнасиловании, караулил Тома и держал за плечи девушек, прижимая их к земле, затыкал им рты и закрывал глаза. Ему даже понравился прилив адреналина и сознание чистой незамутненной порочности происходящего. При этом он не уставал повторять себе, что сам никого не насиловал – единственный из четверых; впоследствии именно это обстоятельство он особенно выделял, объясняясь со своей девушкой. Но сдерживала его не жалость и не страх, а скорее тот встроенный внутренний ограничитель, который не позволяет человеку стать насильником. До сих пор он думал, что подобный ограничитель есть у каждого, кто считает себя нормальным. И гнал от себя мысли о том, что новые приятели явно были его лишены. После всего, что произошло, Уинфри не на шутку перепугался. Троица обсуждала поездку в Олтон, на Стул, а Уинфри не мог избавиться от страха, как бы вскоре не оказаться на совсем другом «стуле». Судьба Джулии и Робин, прямо сейчас тонувших в реке, его нисколько не волновала – он боялся того, что только что стал соучастником убийства. Одним словом, Уинфри запсиховал.

– Я не при делах, – повторял он, как заведенный. – Я не при делах, я ничего не делал.

Остальные над ним только посмеивались. Четверка дружно устремила по мосту в сторону Миссури, где они оставили свои машины. Их подстегивал кипевший в крови адреналин и инстинкт самосохранения, велевший как можно скорее покинуть место преступления. По дороге они заехали на заправку за бензином, сигаретами и сэндвичами. Платил Ричардсон –

деньгами, отнятыми у Джулии и Робин. Он кинул Уинфри пачку сигарет и раздал всем сэндвичи. Уинфри, сидевший на пассажирском сиденье в машине Грея, тут же дрожащими руками достал и закурил первую сигарету – за эту ночь он прикончит почти всю пачку. Он по-прежнему бормотал: «Я не при делах». Он смотрел на приятелей, которые устроились на капотах машин, болтая и поедая сэндвичи, и в животе у него бурлило. Затем все четверо доехали до Олтона, забралась на Стул и раскурили последний косяк. Они сидели под луной на высоченном валуне и любовались мощным течением Миссисипи.

– На берег им не выплыть, – тихо и абсолютно равнодушно произнес Клемонс, делая затяжку.

– Это точно, им хана, – согласился Грей и, повернувшись к Уинфри, добавил: – Видишь, Дэнни? Зря ты их не трахнул. А нам волноваться не о чем.

Паника в душе Уинфри сменилась чувством превосходства – и правда, если их жертвы окончательно и бесповоротно мертвы, что ему с друзьями угрожает?

Около двух часов ночи на Ривервью-Драйв показалась патрульная машина. Офицеры полиции Сэм Брукс и Дон Сандэрс направлялись к водоочистой станции. Ни сирену, ни мигалку они не включали. Диспетчер принял два странных вызова – сразу два дальнбойщика сообщили о подозрительном мужчине, который остановил их на Ривервью-Драйв и рассказал какую-то дикую историю, якобы приключившуюся на Старом мосту Чейн-оф-Рокс. Полицейские припарковались у ограды станции водоснабжения Сент-Луиса и увидели, как на свет фар осторожно выбирается из своего укрытия в траве Том Камминс. Они сразу поняли, что с парнем что-то не так.

Грязь, покрывавшая его плечи, натекла на рубашку и джинсы, размокшие кроссовки были облеплены густым слоем речного ила, а кожа на дрожащих руках сморщилась от воды. Заметно хромя, он приблизился к офицерам. Молодой человек смотрел остекленевшим взглядом и явно пребывал в шоковом состоянии. Он сбивчиво заговорил о том, что они должны немедленно помочь его двоюродным сестрам. Брукс и Сандэрс усадили клацающего от холода зубами парня в патрульную машину, включили на максимум печку и подогрели заднего сиденья, связались по рации с диспетчером и запросили подкрепление. Внешнего вида Тома и его путаных объяснений им хватило, чтобы понять: случилось что-то серьезное, пожалуй, самое серьезное за все годы их службы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.